

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕЩАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства. — Извѣстія.

15-го ноября № 22 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали, предложеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 20 мая сего года за № 3200, съ приложеніями, объ особенныхъ правилахъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ. Изъ упомянутыхъ приложеній видно, что, по поводу значительнаго распространенія, въ послѣднее время, въ разныхъ мѣстностяхъ, и преимущественно въ западной и юго-западной Россіи, церковныхъ братствъ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть Министру Внутреннихъ Дѣлъ войти въ соглашеніе съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода касательно установленія правилъ, на основаніи которыхъ должны быть учреждаемы церковныя братства. Вслѣдствіе сего вопросъ о

братствахъ внесенъ былъ г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода на обсужденіе присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, которое находило, что церковныя братства, учреждавшіяся въ западной Россіи, въ XV и послѣдующихъ столѣтіяхъ, и охранившія тамъ православіе и русскую народность, закрываемы или запрещаемы никогда не были, а только дѣятельность ихъ временно затихла, съ устраненіемъ явнаго латино-польскаго гнета, по присоединеніи западныхъ губерній къ Россіи; память же о сихъ учрежденіяхъ постоянно поддерживалась въ народѣ сохраненіемъ наружныхъ обычаевъ прежнихъ братчиковъ. Нынѣ церковныя братства въ западномъ краѣ начали возобновлять свою дѣятельность и привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и пожертвованія не однихъ мѣстныхъ жителей, но и коренныхъ русскихъ. Сочувствіе ихъ высказалось не только вступленіемъ въ члены западно-русскихъ братствъ и приношеніями въ ихъ пользу, но и выразившимся въ разныхъ мѣстахъ желаніемъ видѣть подобныя учрежденія и въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ они могутъ быть полезны для предохраненія народа отъ раскола и разныхъ ложныхъ ученій. Руководствуясь сими соображеніями, присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства пришло къ заключенію, что если, въ настоящее время, нельзя не признать пользы, а въ западныхъ губерніяхъ даже необходимости возобновленія дѣятельности церковныхъ братствъ, то съ другой стороны слѣдуетъ принять возможныя мѣры къ тому, чтобы возстановленіе ихъ не имѣло характера произвольнаго и чтобы они поставлены были въ опредѣленные условія дѣятельности, и признало по сему полезнымъ предоставить членамъ присутствія: гг. Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, изложить особо тѣ условія, которыя могутъ быть нужны для разрѣшенія учрежденія и возстановленія церковныхъ братствъ, что и приведено въ исполненіе, по журналу присутствія, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія, въ 13 день прошлаго марта. Затѣмъ, въ засѣданіи 6 апрѣля, присутствіе обсуждало составленный гг. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокуроромъ

Святѣйшаго Синода проэктъ по означенному предмету и единогласнымъ рѣшеніемъ остановилось на слѣдующей редакціи проэкта: «Основные правила, для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ». 1) Православными церковными братствами именуются общества, составляющіяся изъ православныхъ лицъ, разнаго званія и состоянія, для служенія нуждамъ и пользамъ православной церкви, для противодѣйствія посягательствамъ на ея права со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ, для созиданія и украшенія православныхъ храмовъ, для дѣлъ христіанской благотворительности, для распространенія и утвержденія духовнаго просвѣщенія. 2) Братства учреждаются при церквяхъ и монастыряхъ, съ благословенія и утвержденія епархіальнаго архіерея. 3) Каждое братство имѣетъ свой уставъ и можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на основаніи и въ предѣлахъ этого устава. 4) При учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ, могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе мѣстные обычаи. 5) Въ уставахъ братствъ могутъ быть излагаемы съ большею или меньшею подробностію, по желанію учредителей, дѣли учрежденія братствъ, обязанности, возлагаемыя на ихъ членовъ, условія, которымъ они подчиняются, и порядокъ исполненія или соблюденія этихъ обязанностей и условій. Но въ нихъ не можетъ быть постановляемо правилъ о такихъ взысканіяхъ или принудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приводимы въ исполненіе не иначе, какъ съ содѣйствіемъ правительственной власти. Равнымъ образомъ недопускается причисленіе къ предметамъ вѣдомства или занятій братствъ такихъ дѣлъ, которыя выходили бы изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго статьею первую настоящихъ правилъ. 6) Желающіе основать или возстановить братство обращаются съ просьбою о томъ къ епархіальному архіерею и представляютъ проэктъ устава. Преосвященный, если найдетъ предположеніе правильнымъ, сообщаетъ проэктъ устава, для соображенія, въ гражданскомъ отношеніи, начальнику губерніи, и, по полученіи его отзыва, утверждаетъ уставъ и разрѣшаетъ открытіе брат-

ства. *Примѣчаніе:* уставы тѣхъ братствъ, кои были открыты до изданія настоящихъ правилъ, должны быть епархіальными начальствами сообщены для свѣдѣнія начальникамъ губерній. 7) Недопускается никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ для братствъ правилъ. Если-бы оказалось нужнымъ что либо измѣнить или дополнить въ утвержденномъ уставѣ, то на измѣненіе и дополненіе испрашивается разрѣшеніе тѣмъ же порядкомъ, какъ на самый уставъ. Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, находя изложенный выше проэктъ основныхъ правилъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ соотвѣтствующимъ своей цѣли, полагало предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ внести оный въ Комитетъ министровъ, для зависящаго разсмотрѣнія и представленія сихъ правилъ на Высочайшее утвержденіе. На журналѣ присутствія Его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО собственноручно написать изволилъ: «исполнить». Комитетъ министровъ, выслушавъ записку по сему предмету, полагалъ вышеозначенныя основныя правила для учрежденія православныхъ и церковныхъ братствъ утвердить. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ С. Петербургѣ, въ 8 день мая сего года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ. *Приказали:* о Высочайше утвержденныхъ въ 8 день мая сего года, по положенію Комитета министровъ, *основныхъ правилъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ*, дать знать по духовному вѣдомству печатными указами, для свѣдѣнія и должнаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, приложивъ къ указамъ, для свѣдѣнія, по одному печатному экземпляру бывшей въ виду присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, при обсужденіи этого дѣла, «записки о православныхъ церковныхъ братствахъ въ западной Россіи» (*) (31 іюля 1864 г.)

не (*). Въмѣсто означенной записки въ слѣдующихъ № № будетъ помѣщена другая статья «по поводу указа о правосл. церковныхъ братствахъ» наше о город. свѣщ. Страхова, гдѣ также между прочимъ изъясняется исторія церк. братствъ.

На подлинномъ указѣ резолюція Его Преосвященства 27 сентября 1864 года послѣдовала такая: «къ свѣдѣнію и руководству и для объявленія по епархіи.»

РАСПОРЯЖЕНІЯ

Епархіальнаго Начальства.

Товарищъ Оверъ-Прокурора Св. Синода, князь Сергій Николаевичъ Урусовъ въ отношеніи своемъ къ Его Преосвященству отъ 8 октября изъяснилъ слѣдующее: въ «апрѣль 1856 года Высочайше повелѣно принимать въ аудиторіатское вѣдомство, для практическаго приготовленія къ должности аудиторомъ, студентовъ, окончившихъ полный курсъ наукъ какъ въ университетахъ, такъ и въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, съ правомъ на классный чинъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) студенты опредѣляются соотвѣтственными ученымъ званіямъ ихъ чинами въ аудиторіатскій департаментъ, въ полевые аудиторіаты и въ штабы корпусовъ. б) На приготовленіе студентовъ въ аудиторы назначается не болѣе одного года. Если по прошествіи сего срока они признаются способными къ исправленію обязанностей аудиторскаго званія, то опредѣляются въ аудиторіатское вѣдомство; въ противномъ же случаѣ увольняются для избранія должности по другому роду службы. в) Студенты, при поступленіи ихъ для приготовленія въ аудиторы, пользуются слѣдующими преимуществами:

1) имъ выдаются изъ комиссаріата прогоны на 2 лошади до того мѣста, въ которое они поступаютъ для приготовленія въ аудиторы, а бѣднѣйшимъ изъ нихъ по прибытіи на мѣсто выдается, по усмотрѣнію начальства, на первоначальное обзаведеніе до 30 р. сер.

2) Они получаютъ, изъ комиссаріата же, во все время приготовления жалованье по окладу, присвоенному должности полковаго аудитора (267 р. сер. въ годъ); сверхъ того имъ отводятся квартиры въ натурѣ, или отпускаются деньги, на правилахъ, существующихъ для военныхъ чиновъ.

3) Время, проведенное ими въ приготовленіи къ аудиторской должности, какъ при опредѣленіи ихъ въ оную, такъ и въ случаѣ увольненія для избранія должности по другому вѣдомству, зачитается въ дѣйствительную службу, равнымъ образомъ и къ полученію знака отличія безпорочной службы.

4) Въ случаѣ опредѣленія ихъ въ аудиторіатское вѣдомство, имъ отпускается единовременно на обмундированіе изъ комиссаріата 215 р. сер.

и 5) получившіе при поступленіи на должности по аудиторіатскому вѣдомству въ пособіе на обмундированіе 215 р. сер., если пожелаютъ до истеченія двухлѣтняго срока, со времени поступленія въ должности, перейти въ другое вѣдомство или вовсе оставить службу, обязаны возвратитъ въ казну полученныя ими на основаніи вышеприведеннаго 4 пункта на обмундированіе деньги.

По поводу поступившаго нынѣ отъ г. Военнаго Министра отношенія о приглашеніи 40 студентовъ, окончившихъ полный курсъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, имѣющихъ право на классный чинъ, поступитъ въ ближайшія къ мѣсту ихъ жительства военныя управленія для приготовления въ аудиторы, долгомъ постановляю, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 28 минувшаго августа, обратитъ къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшею просьбою приказатъ объявить окончившимъ курсъ наукъ и не получившимъ еще назначенія студентамъ Нижегородской семинаріи, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ поступитъ на службу по военному вѣдомству для приго-

товленія въ аудиторы, и о тѣхъ, кто будетъ избранъ Вашимъ Преосвященствомъ и можетъ быть уволенъ для означенной цѣли изъ духовнаго вѣдомства, сообщить мнѣ, для предложенія Святѣйшему Синоду, надлежащія свѣдѣнія, съ приложеніемъ аттестатовъ ихъ объ успѣхахъ въ наукахъ, способностяхъ и поведеніи, а также метрическихъ свидѣтельствъ и другихъ документовъ о ихъ происхожденіи.»

Епархіальнымъ начальствомъ, въ слѣдствіе резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшей на семь отношеній, постановлено: для объявленія онаго окончившимъ курсъ наукъ и не получившимъ назначенія студентамъ Нижегородской семинаріи, благочиннымъ послать указы, съ тѣмъ, чтобы желающіе поступить на службу по военному вѣдомству для приготовленія въ аудиторы заявляли о семъ подачею Его Преосвященству прошеній.

ИЗВѢСТІЯ.

8-го сентября въ городѣ Арзамасѣ происходило торжественное открытіе 3-го класса въ дѣвическомъ училищѣ. Спасскій отецъ Архимандритъ служилъ соборнѣ въ Воскресенскомъ соборѣ Божественную литургію; по заамвонной молитвѣ Протоіерей Іоаннъ Сахаровъ произнесъ рѣчь въ наставленіе учащихся. Послѣ парскаго молебна, подъ сѣнію хоругвей, въ стройномъ предшествіи учащихся дѣвицъ (свыше 100 человекъ), въ сопровожденіи о. Архимандрита съ служившимъ духовенствомъ, законоучителями, смотрителемъ училищъ, надзирательницей и наставниками, при начальствующихъ въ обществѣ и при стеченіи народа, тронулась священная процессія въ домъ, гдѣ помѣщается дѣвическое училище. Здѣсь, предъ начатіемъ молебствія, законоучитель, Крестовоздвиженской церкви

священникъ, Викторъ Никольскій произнесъ рѣчь, въ которой—обстоятельно и общепонятно изложилъ необходимость воспитанія и образованія женскаго пола, въ настоящее время (*). Молебствіе заключено обычнымъ многолѣтствованіемъ (**).

Наставники Нижегородской семинаріи: профессоръ Василій Соколовъ, профессоръ Иванъ Златобрѣзовъ и учитель Иванъ Тихонравовъ уволены, согласно ихъ прошеніямъ, отъ духовно-училищной службы,—первый для перехода на службу въ Гродненскую гимназію, 1-го сентября, а послѣдніе по слабости здоровья, 24-го ноября.

(*) Рѣчь эта не печатается только по недостатку мѣста.

(**) Сообщено протоіер. города Арзамаса Іоан. Сахаровымъ.

Е. В. Выходятъ 1 и 15 | Цѣна въ редакціи 4 р., а съ
числъ каждаго мѣсяца. | доставкою 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской духовной семинаріи.

Дозволено цензурой. 28 ноября 1864 года. Цензоръ Ректоръ семинаріи
Архимандритъ *Иувеналій*.

нижній-новгородъ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ

СОДЕРЖАНІЕ: Св. Іоанна Златоустаго противъ злорѣчія. — Слово въ день памяти Космы Менина. — Свят. благовѣр. князь Георгій Всеволодичъ. — Благодарная память. (Разсказъ.) — Объявленія.

Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго,

противъ злорѣчія.

(Окончаніе).

Какого намъ ждатель извиненія, какого прошенія, когда мы о своемъ и не думаемъ, а о чужомъ такъ любопытствуемъ? Какъ не врилично и весьма стыдно, проходя, заглядывать въ домъ и подмѣчать, что въ немъ есть: такъ крайне не благородно и любопытствовать о чужой жизни. Еще смѣшнѣе то, что ведущіе такую жизнь и не заботящіеся о своихъ дѣлахъ, открывая какую нибудь тайну, умоляютъ и заклинаятъ того, кто ихъ слушаетъ, не пересказывать никому другому, чѣмъ и доказываютъ, что они сдѣлали дѣло, достойное осужденія. Если ты упрашиваешь его не пересказывать никому другому, то тѣмъ болѣе тебѣ не надобно было прежде говорить ему объ этомъ. Слово было у тебя въ полной власти; а ты, предавъ его, теперь заботишься о сохраненіи его! Если хочешь, чтобы оно не перенесено было къ другому, то и самъ

не говори. А когда уже ты передалъ храненіе слова другому, то лишнее и бесполезное дѣло уговаривать и заклинать, чтобы онъ хранилъ, что ему сказано. Но пріятно злословить? Нѣтъ, пріятно-то не злословить. Злословящій бываетъ безнокоенъ, подозрителенъ и боязливъ, раскаевается и кусаетъ свой языкъ, страшась и трепеща, чтобы слово, разнесшееся между многими, не навлекло на тѣхъ, къмъ оно сказано, большой опасности и не произвело напрасной и пагубной вражды. А кто хранитъ у себя (слово), тотъ будетъ жить въ совершенной безопасности и въ великомъ удовольствіи. *(лышалъ ли еси слово, говоритъ (премудрый), да умретъ съ тобою: не убойся, не расторгнетъ тебе (Сир. 19, 10).* Что значить—*да умретъ съ тобою?*—Скрой его, закопай, не позволяй ему выйти, ни даже двинуться какъ бы то ни было. Но всего болѣе старайся даже не допускать, чтобы тебѣ говорили худо о другихъ. А если когда и услышишь что нибудь, подави, умертви сказанное; предай забвенію, какъ будто ты и не слышалъ; тогда будешь проводить настоящую жизнь весьма мирно и безопасно. Сами злословящіе, когда узнаютъ, что мы большее питаемъ отвращеніе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, кого они оговариваютъ, оставляютъ когда нибудь эту худую привычку, исправятся отъ своего недостатка, станутъ потомъ хвалить (другихъ), и насъ самихъ провозгласятъ своими спасителями и благодѣтелями. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доброе слово и похвала служить началомъ дружбѣ; такъ злорѣчіе и клевета бываютъ началомъ и поводомъ къ враждѣ, ненависти и тысячѣ распрей. И не другое что доводитъ насъ до небрежности о своихъ дѣлахъ, какъ пытливость и развѣдываніе о чужихъ дѣлахъ: потому что, кто любитъ злословить и развѣдывать о чужой жизни, тому некогда позаботиться о собственной жизни. Такъ какъ онъ употребляетъ все свое стараніе на развѣдываніе о чужомъ, то все принадлежащее ему самому, по необходимости, остается въ небреженіи. И то было бы хорошо, если бы ты, употребляя все время на попеченіе и сужденіе о своихъ собственныхъ грѣхахъ, могъ сдѣлать какой нибудь успѣхъ: но, когда ты постоянно заботишься

о чужомъ, то когда тебѣ подумать о своихъ собственныхъ недостаткахъ?

Будемъ же, возлюбленные, избѣгать злословія, зная, что это—настоящая пропасть діавола и западня, устроенная его коварствомъ. Діаволь довелъ насъ до этой привычки, для того, чтобы мы не заботились о самихъ себѣ и подвергли себя тяжчайшей отвѣтственности. Но зло не въ томъ только, что мы дадимъ тогда отчетъ въ словахъ своихъ, но и въ томъ, что мы чрезъ это сдѣлаемъ свои собственные грѣхи болѣе тяжкими, и лишимъ себя всякаго извиненія. Кто строго изслѣдываетъ чужіе простунки, тотъ не получитъ никакого снисхожденія къ своимъ собственнымъ, потому что Богъ произнесетъ судъ соотвѣтственно не только свойству нашихъ преступленій, но и твоему суду о другихъ. Поэтому и внушаетъ Онъ: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1); такъ какъ грѣхъ не только явится тамъ такимъ, каковъ онъ былъ, но и получить большое и неизбѣжное прибавленіе отъ произнесеннаго тобою суда о твоёмъ собратѣ. Какъ человеколюбивый, кроткій и снисходительный значительно уменьшаетъ тяжесть грѣховъ; такъ жестокій, суровый и неумолимый много прибавляетъ къ своимъ грѣхамъ. Исторгнемъ же изъ устъ нашихъ всякое злословіе, зная, что, если станемъ ѣсть и пепель, то и отъ такой строгой жизни не будетъ намъ никакой пользы, когда не воздержимся отъ злословія; потому что *не входящее (во уста) сквернитъ чловѣка: но исходящее изъ устъ* (Матѳ. 15, 11). Если бы кто нибудь началъ ворочать пометъ въ то время, какъ ты проходишь: скажи мнѣ, не сталъ ли бы ты бранить его и укорять? Такъ поступи и съ злословящими; потому что не столько тронутая съ мѣста нечистота поражаетъ обонаніе тѣхъ, до кого доходитъ ея зловоніе, сколько рассказы, выводящіе наружу чужіе грѣхи и раскрывающіе не чистую жизнь, оскорбляютъ и возмущаютъ душу тѣхъ, кто ихъ слышитъ. Будемъ же воздерживаться отъ злословія, сквернословія, хулы, и не станемъ злорѣчить ни о

ближнемъ, ни о Богѣ, такъ какъ многіе изъ злорѣчивыхъ дошли до такого безумія, что отъ собратовъ обратили свой языкъ на Господа.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ КОСМЫ МИНИНА (*).

Настоящее собраніе ваше, братіе, въ день памяти приснопамятнаго вашего согражданина, въ сей святыи храмъ, вашимъ усердіемъ при гробѣ его устроенный и содержимый, есть живое, непререкаемое свидѣтельство вашего сердечнаго сочувствія къ тѣмъ великимъ подвигамъ, какіе Господь даровалъ совершить сему приснопамятному мужу. Ваше глубокое къ нему уваженіе и ваши сердечныя объ немъ молитвы, вводя васъ въ невидимый духовный съ нимъ союзъ взаимной его любви къ вамъ и молитвы объ васъ, поддерживаютъ и питаютъ въ васъ тотъ духъ ревности и самоотверженія на пользу церкви и отечества, какой онъ показалъ въ себѣ и оставилъ въ наслѣдіе вамъ, своимъ согражданамъ. Неоднократные опыты временъ прошедшихъ ясно на дѣлѣ показали, что этотъ духъ ревностнаго служенія церкви, престолу и отечеству въ согражданахъ Минина никогда неоскудѣвалъ и до нынѣ пребываетъ неизмѣнно. Въ тяжкія годыны искушенія, какимъ неоднократно подвергалось наше возлюбленное отечество, сограждане Минина всегда

(*) Произнесено въ Усыпальномъ храмѣ Каедр. собора, въ придѣлѣ св. чудотвори, безеребренниковъ Космы и Даміана, въ которомъ покоятся останки Космы Минина.

были въ числѣ первыхъ, приносившихъ свои жертвы на алтарь отечества, за царя и за церковь православную. Ополченія во время великой брани отечественной и недавней тяжкой войны Крымской еще свѣжи въ нашей памяти. Но, по милости Божіей, для нашего блага и счастья, такіе чрезвычайные, особенные случаи и обстоятельства, которые требуютъ отъ насъ великихъ жертвъ и заставляютъ ревновать ревностію великаго Минина, промысломъ Божиимъ посылаются на насъ не часто, и даже посланныя, нашедшія уже на насъ бѣды и опасности невидимую силою Божіею отъ насъ отвращаются и отдаляются. Очевидное явленіе, непрерывкаемое знаменіе такой милости Божіей мы недавно видѣли въ разсѣяніи той воинственной грозы, которая, начавшись съ той же стороны, съ какой она нашла на наше возлюбленное отечество во дни Минина, готова была распространиться по всему горизонту Европы и всею своею страшною массою ринуться на насъ. Готовность ревновать ревностію Минина за славу, честь и благоденствіе отечества и въ семь случаѣ, какъ и въ другихъ ему подобныхъ, была вами заявлена и съ неизмѣннымъ обѣтомъ жертвовать достояніемъ и жизнію повергнута къ престолу возлюбленнаго нашего Монарха: но всеблагій и всемогущій Сердцевѣдецъ Богъ, пріемлющій и единое, искреннее, чистое и святое произволеніе, щадя и милуя васъ, отмѣнилъ эту жертву и спасъ всѣхъ насъ своею невидимую силою.

Что же? Не значить ли это, что духу ревности и самоотверженія, готовому всегда горѣть на алтарѣ общественнаго служенія, дается мало мѣста, — что примѣръ великаго Минина долженъ быть нами оставляемъ безъ подражанія до особеннаго къ тому случая и вызова? Нѣтъ, Богъ, какъ чадолюбивый нашъ Отецъ, дѣйствуетъ такъ не въ ослабленіе нашей ревности, не для того, чтобы мы оставались въ отношеніи къ общественному служенію холодными, равнодушными и недѣтельными. Онъ отвращаетъ отъ насъ возстающія на насъ бѣды и

напасти, требующія отъ насъ великихъ жертвъ самоотверженія, и даже не часто и попускаетъ ихъ на насъ, единственно по своей къ намъ любви и милосердію, чтобы дать намъ въ мирѣ, тишинѣ и безопасности насладиться дарованными намъ благами жизни, и частной, и общественной.—Но и при обыкновенномъ порядкѣ и теченіи нашей жизни мы можемъ служить и обществу и церкви такъ, какъ свойственно служить ревнующимъ о ихъ благѣ согражданамъ Минина. Въ чемъ же можетъ состоять такое служеніе, не выходя изъ обыкновеннаго порядка жизни каждаго члена общества,—на размышленіе о семъ посвятимъ нѣсколько минутъ, и тѣмъ почтимъ настоящій день памяти приснопамятнаго Минина.

Гражданское общество состоитъ обыкновенно изъ различныхъ членовъ; одни изъ нихъ начальствуютъ, другіе повинуются,—одни распоряжаются, другіе ихъ распоряженія исполняютъ,—одни работаютъ и производятъ, другіе ихъ работой и трудами пользуются,—одни продаютъ, другіе покупаютъ, такъ что всѣ члены общества, и высшіе и низшіе, и богатые и бѣдные, и мудрые и немудрые, и знатные и незнатные, столько необходимы въ обществѣ, что одни безъ другихъ обойтись не могутъ, всѣ суть необходимыя звенья одной неразрывной цѣпи. И потому какъ бы кто малъ и незначителенъ въ обществѣ ни былъ, онъ имѣетъ на себѣ соотвѣтственныя своему званію и состоянію обязанности, вѣрное исполненіе которыхъ и приносятъ обществу извѣстную долю добра. Изъ этихъ долей, большихъ и малыхъ, которыя различные члены, по данной имъ силѣ и занимаемой ими степени, въ различномъ количествѣ вносятъ въ общую сокровищницу, и составляется единое общественное благо, которое, очевидно, можетъ имѣть необходимую для счастья и благоденствія общества полноту только тогда, когда всѣ члены общества вносятъ свои доли добра полныя, кому сколько дано и кто сколько долженъ и по своей силѣ можетъ.

Поэтому въ какомъ бы кто званіи ни трудился, какимъ бы дѣломъ, нужнымъ для общества, ни занимался, хотя бы по видимому, сравнительно съ другимъ, и незначительнымъ, если только онъ трудится и дѣлаетъ свое дѣло честно и добросовѣстно, своимъ трудомъ приноситъ обществу полную долю добра, какую дано ему приносить, — его трудъ и дѣло имѣютъ такую же нравственную цѣну и достоинство и столько же необходимы въ своемъ родѣ и полезны для общества, какъ труды и дѣла другихъ его членовъ, стоящихъ выше его и дѣлающихъ по данной имъ силѣ дѣла болѣе важныя и значительныя. Въ евангельской притчѣ сказано, что рабы, получившіе различные таланты, одинъ — пять, а другой — два, но вравнѣ честно и добросовѣстно трудившіеся и употреблявшіе ихъ, не смотря на различную мѣру пріобрѣтенной ими прибыли, равно награждаются приглашеніемъ ихъ войти въ радость Господа своего, тогда какъ рабъ, получившій одинъ талантъ и по малости и незначительности полученнаго пренебрегшій имъ, наказывается лишеніемъ онаго и сверхъ того за нерадѣніе тьмою кромѣшною. Еще больше можно сказать объ этихъ по видимому малыхъ заслугахъ обществу. Кромѣ того, что изъ многочисленныхъ долей добра, вносимыхъ каждымъ членомъ по своей силѣ въ общую сокровищницу, составляется та полнота общественнаго блага, при которой только и возможно процвѣтаніе и благоденствіе обществъ, а слѣд. и совершеніе другихъ высшихъ и важнѣйшихъ дѣлъ и подвиговъ тѣми, кому это дано, — при недостаткѣ этой полноты, которой почасту въ обществахъ не бываетъ по недостатку лицъ ревнующихъ о томъ, никѣмъ не видимыя, можетъ быть даже предъ судомъ свѣта ничего не стоящія дѣла праведности нѣсколькихъ малыхъ членовъ общества, состоящія, можетъ быть, не въ чемъ иномъ, какъ только въ добросовѣстномъ и честномъ исполненіи обязанностей своего званія, и званія въ обществѣ не высокаго, въ какое Богъ поставилъ, — эти дѣла нѣсколькихъ такихъ праведниковъ отвращаютъ отъ тѣхъ городовъ и обществъ, среди коихъ они живутъ и дѣйствуютъ, и сами того по

своему смиренію познавая, — отвращаютъ иногда праведный гнѣвъ Божій, готовый на совершенное ихъ погубленіе за грѣхи и беззаконія другихъ многихъ и сильнѣйшихъ членовъ. Припомнимъ при этомъ особенно замѣчательную бесѣду Авраама съ Богомъ, когда Богъ открылъ ему праведное свое опредѣленіе истребить за нечестіе Содомъ и Гомморъ. Господи, сказалъ ему Авраамъ, неужели Ты погубишь Содомъ, если въ немъ обрящется человѣкъ пятьдесятъ праведныхъ? Господь сказалъ Аврааму, что Онъ пощадилъ бы его, если бы тамъ было пятьдесятъ праведниковъ. Авраамъ, продолжая свою смѣлую бесѣду съ Господомъ, убавлялъ число праведныхъ, и наконецъ спросилъ Господа: Господи, Ты Судія всей земли, а я прахъ и пепель, — позволь мнѣ Тебя еще единожды спросить: пощадилъ ли бы Ты этотъ городъ, если бы тамъ обрѣлось только десять праведниковъ? Господь сказалъ ему, что онъ и тогда отмѣнилъ бы праведный судъ свой и избавилъ его отъ наказанія. — Изъ этой бесѣды Авраама съ Господомъ мы усматриваемъ, что десять праведниковъ, обрѣтшіеся въ градѣ, многочисленномъ и чрезвычайно грѣшномъ, могли бы спасти его отъ страшной, угрожающей ему гибели (Быт. 18, 20—32). Изъ этой же исторіи истребленія Содома и Гоммора и другихъ городовъ вмѣстѣ съ ними видно, что одно прошеніе праведнаго Лота спасло Сигоръ, выпрошенный имъ для своего убѣжища (Быт. 19, 19—22). Какъ же, послѣ этого, намъ, каждому въ своемъ кругу и въ своемъ званіи, каковы бы они ни были, не обращать вниманія на вѣрное и честное служеніе обществу тѣмъ трудомъ или исполненіемъ той обязанности, какія на насъ будутъ возложены промысломъ Божиимъ? Мы этимъ спасемъ и себя, можемъ спасти и общество, и — спасти отъ гнѣва Божія, отъ гибели, какъ нѣкогда спасъ отечество великій нашъ Мининъ. — Вотъ какую пользу могутъ приносить обществу честные и вѣрные исполнители своихъ обязанностей, хотя бы они стояли и на низшихъ степеняхъ общественнаго служенія, были самыми младшими и меньшими его членами!

Но въ обществѣ есть члены старшіе, высшіе, занимающіе высшія мѣста и степени, дѣятельность которыхъ имѣетъ болѣе обширные размѣры и болѣе сильное и прямое вліяніе на теченіе дѣлъ общественныхъ. Что сказать объ этихъ высшихъ, болѣе вліятельныхъ членахъ общества? Само собою разумѣется, что ихъ честное, вѣрное и ревностное служеніе еще больше принесетъ добра тому обществу, которому они служатъ; они, очевидно, еще больше и удобнѣе, чѣмъ первые, могутъ наполнять сокровищницу общественного блага и содѣйствовать благосостоянію и процвѣтанію тѣхъ обществъ, которыя будутъ имѣть среди себя такихъ благихъ и вѣрныхъ дѣлателей. Въ настоящее царствованіе Благочестивѣйшаго нашего Монарха особенно тѣмъ, на кого палъ жребій общественного служенія, много предлежитъ потрудиться и — потрудиться трудомъ честнымъ, добросовѣстнымъ, безкорыстнымъ и самоотверженнымъ. Не обинуясь можно сказать, что такое служеніе обществу въ настоящее время не меньше, если не больше, принесетъ благихъ плодовъ, нежели сколько могло бы принести чрезвычайное наше служеніе отечеству при какой нибудь угрожающей ему опасности, или постигшемъ его бѣдствіи. Поэтому нисколько мы не преувеличимъ, если скажемъ, что тѣ, которые честно, богобоязненно и ревностно исполняютъ дѣла своей общественной службы, своей должности, по мѣрѣ дарованныхъ каждому отъ Господа силъ, тѣ суть достойные сограждане великаго Минина, усвоили себѣ завѣщанный имъ въ наслѣдіе духъ ревности, безкорыстія и самоотверженія въ дѣлѣ общественного служенія.

Впрочемъ кто ревнуетъ, подобно евангелскому юношѣ, о приобрѣтеніи большаго и высшаго совершенства на поприщѣ общественного служенія, тотъ кромѣ дѣлъ закона, т. е. прямыхъ своихъ обязанностей, принятыхъ по жребію отъ общества, или лежащихъ на немъ по самому его званію, можетъ открыть для себя другіе, частные пути къ приумноженію общественного блага... Предметовъ на

которые обращаетъ въ настоящее время вниманіе мудрое и многопечительное правительство наше, но которыми заняться, по его предначертаніямъ и указаніямъ, оно предоставляетъ свободному желанію и усердію ревнующихъ о благѣ общественномъ, — такихъ предметовъ нынѣ очень много. Есть на чемъ остановиться, есть что избрать для особеннаго служенія обществу самому сильному ревнителю, въ которомъ горитъ истинный, настоящій духъ Минина.

Въ недавнее время Высочайше утверждены и объявлены положенія о земскихъ учрежденіяхъ, о церковныхъ братствахъ, о приходскихъ при церквяхъ попечительствахъ и начальныхъ народныхъ училищахъ. Какое обширное поприще для дѣятельности каждого представляютъ эти новыя учрежденія!.. Одно учрежденіе церковныхъ братствъ сколько принесло пользы отечеству и церкви въ западномъ краю Россіи! Оно противодѣйствовало распространенію въ томъ краѣ иноземнаго, чуждаго духа, оно поддержало православную вѣру, угнѣняемую иновѣріемъ, улучшало состояніе православнаго духовенства, доведеннаго до нищеты и униженія, благоустроило и снабжало всеѣмъ потребнымъ къ бугослуженію тамошніе православныя храмы, доведенные также до нищеты и совершеннаго упадка, поддерживало и распространяло просвѣщеніе въ духѣ православія и русской народности. Сколько пользы и у насъ могли бы принести подобныя братства? Конечно, въ нашей странѣ, какъ въ центральной, коренной русской, нѣтъ иноземнаго, чуждаго духа, подавляющаго русскую національность, — нѣтъ иновѣрія, стѣсняющаго православіе, — православныя храмы и православное духовенство, по милости Божіей, не бѣдствуютъ какъ тамъ. Но нѣтъ ли и у насъ, вблизи насъ, и даже почти среди насъ подобнаго зловѣрія, которое враждуетъ противъ православной церкви не менѣе, даже болѣе и безстрашнѣе, чѣмъ западное иновѣріе? Расколъ, коимъ, къ великому прискорбію нашему, очень многіе увлечены въ на-

шей странѣ, въ настоящее время съ большимъ безстрашіемъ и дерзостію поднялъ главу свою и увлекаетъ въ свои сѣти многихъ слабыхъ членовъ православной церкви, которые, оставляя православную церковь, дѣлаются такими же врагами ея, какъ и наставники ихъ—обольстители. Во многихъ приходахъ, которые и прежде заражены были расколомъ, церкви православныя почти опустѣли. Духовенство въ этихъ приходахъ, и прежде бѣдное и достаточно необезпеченное, въ настоящее время лишается и послѣднихъ средствъ. Отношенія и связи между священниками и отпадшими отъ церкви прихожанами прекратились,— священниковъ они не принимаютъ, избѣгаютъ съ ними всякой встрѣчи. Священники лишились всякой возможности какимъ бы то ни было образомъ дѣйствовать на нихъ, учить и убѣждать ихъ и имѣть какое нибудь вліяніе. Попытки нѣкоторыхъ священниковъ приходить въ селенія, обитаемыя отпадшими отъ церкви, съ намѣреніемъ отечески побесѣдовать съ ними о предметахъ вѣры, раскрыть имъ ложь и обманъ принятаго ими ученія объ удаленіи отъ церкви Божіей,—оставались и остаются совершенно напрасными: отпадшіе въ дома свои священниковъ не допускаютъ и сами имъ не показываются. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники не могутъ пройти мимо отпадшихъ своихъ прихожанъ, особенно когда они составляютъ какое нибудь собраніе на улицѣ, безъ того, чтобы не услышать отъ нихъ себѣ оскорбленія и поношенія и даже хулы на церковь Божію; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда готовится или уже совершается въ деревнѣ какое нибудь служеніе, или треба у раскольниковъ, священники на ту пору сюда почему либо прибывшіе подвергаются опасности потерпѣть больше, чѣмъ одно оскорбленіе.

Будемъ ли благочестивые, православные христіане, и усердные и твердые въ вѣрѣ сыны церкви Божіей, будемъ ли мы оставаться равнодушными зрителями такого бѣдственнаго, плачевнаго состоянія церкви, вблизи насъ

и даже, можно сказать, среди насъ. Не слѣдуетъ ли и намъ, какъ было и есть на западѣ Россіи, дружно соединиться такъ же въ православное братство и употребить всѣ зависящія отъ насъ мѣры сначала къ пресѣченію столь быстро и сильно распространяющагося во многихъ мѣстахъ раскола, а потомъ и къ обращенію его приверженцевъ на путь истинный, въ лоно православной церкви? Помощь со стороны членовъ братства, если бы таковое, при помощи Божіей, учредилось, поданная священникамъ и непосредственное вліяніе ихъ самихъ на раскольниковъ, для мірскихъ людей по разнымъ отношеніямъ къ нимъ болѣе удобное, чѣмъ для священниковъ, не принимаемыхъ и отвергаемыхъ заблудшими, — очень много могли бы принести пользы для церкви православной и ея пастырей. Одинъ сильный вліятельный человекъ изъ такого братства, дѣйствуя въ видахъ православія на заблудшаго своего собрата, также по своему авторитету и состоянію человека въ своемъ кругу вліятельнаго и сильнаго, имѣя полное и совершенное къ тому удобство по разнымъ общественнымъ, торговымъ, иногда дружескимъ и даже родственнымъ отношеніямъ и связямъ, могъ бы съ силою поколебать чрезъ него цѣлую общину заблуждающихъ, имъ поддерживаемую и ему во всемъ преданную. Обращеніе одного такого лица могло бы сопровождаться обращеніемъ тысячъ другихъ, между тѣмъ какъ приходскіе священники и даже начальствующія лица духовныя не имѣютъ къ тому никакихъ средствъ, потому что не имѣютъ къ нимъ никакого доступа.

Остановимся пока на одномъ этомъ важнѣйшемъ предметѣ, въ которомъ помощь со стороны православнаго братства, очевидно, могла бы принести большую и существенную пользу для церкви Божіей. На другіе предметы, которыми также съ большою пользою для церкви и общества могло бы заняться учредившееся православное братство, мы только укажемъ. Какіе же эти другіе предметы, коими могло бы заняться братство? Кромѣ раскола, это: 1) господствующіе въ нашемъ градѣ и обществѣ нѣ-

которые зловредные, гнусные, но многими явно допускаемые и содѣваемые пороки, противъ коихъ члены братства съ силою и съ успѣхомъ могли бы возстать и останавливать ихъ, или по крайней мѣрѣ ограничивать;

2) установленіе на прочныхъ и твердыхъ началахъ общественной благотворительности, недостатокъ которой въ нашемъ градѣ очень ощутителенъ, хотя и есть къ тому достаточныя средства въ рукахъ здѣшняго общества;

3) наблюденіе за болѣе строгимъ и точнымъ исполненіемъ четвертой заповѣди Божіей о храненіи и святомъ провозженіи воскресныхъ и праздничныхъ дней;

4) изысканіе способовъ къ распространенію просвѣщенія, столь необходимаго въ нашей странѣ, между прочимъ, и для ослабленія и совершеннаго прекращенія раскольническихъ заблужденій и закоренѣлыхъ предразсудковъ ихъ; напр. доставленіе средствъ къ поддержанію училищъ, во многихъ мѣстахъ безъ всякихъ стороннихъ пособій, открываемыхъ однимъ духовенствомъ и существующихъ единственно только ихъ усердіемъ и трудами, — потомъ къ открытію и учрежденію новыхъ училищъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они особенно необходимы, а между тѣмъ духовные, при всемъ своемъ усердіи, не имѣютъ возможности ихъ учредить, — таковы всѣ приходы, зараженные расколомъ;

5) значительнымъ и, кажется, весьма близкимъ къ сердцу каждаго предметомъ занятій учредившагося братства могло бы быть изысканіе средствъ къ улучшенію и большему благоукрашенію нѣкоторыхъ храмовъ Божіихъ, напр. сего самаго храма, въ коемъ мы предстоимъ теперь. Храмъ сей, хотя ни въ чемъ, собственно необходимомъ для отправленія богослуженія и своего содержанія въ томъ видѣ, какъ есть, не нуждается: но не говоря уже о благолѣпнн, какое прилично храму Божію, какъ мѣсту святыни, въ коемъ Богъ являетъ Свое особенное присутствіе, по назначенію сего храма быть первымъ и главнымъ въ нашемъ знаменитомъ градѣ, посѣщаемомъ многочисленными лицами всѣхъ странъ, не только русскихъ, но и иныхъ, изъ которыхъ многіе и сюда притекаютъ, и по усердію помолиться, и по особен-

ному уваженію къ мѣсту покоя останковъ нашего великаго согражданина, — храмъ этотъ имѣеть нужду, и нужду, можно сказать, настоящую, въ приведеніи его въ болѣе благолѣпный видъ, чего, за удовлетвореніемъ своихъ существенныхъ надобностей, по значительной цѣнности потребныхъ улучшеній, онъ собственными своими средствами произвести не можетъ.

Вотъ что почли мы болѣе всего близкимъ и приличнымъ настоящему нашему собранію сказать предъ вами, достопочтенные граждане, въ честь и память великаго вашего согражданина. Просимъ и молимъ васъ, — удостойте вашимъ вниманіемъ и сочувствіемъ хотя нѣкоторыя изъ сказанныхъ предположеній, подвергните ихъ вашему благо разумному и опытному обсужденію и, если найдете полезными и къ осуществленію удобными: то примите ихъ съ любовію и, при помощи Божіей, приступите къ ихъ исполненію, и — не отлагайте этого вдаль. Вы, какъ сограждане Минина, обыкшіе въ дѣлахъ общественнаго служенія стоять напереді другихъ, должны упредить другихъ и на семъ пути общественнаго служенія, къ которому призываетъ васъ церковь, Государь, отечество, котораго требуетъ благо, счастье и спасеніе, и ваше собственное, и вашихъ ближнихъ, особенно заблуждающихся братій.

Аминь.

Каедр. Протоіерей *Конст. Милогидовъ.*

Святыи благовѣрный великий князь Георгій (Юрій) II Всеволодовичъ.

(Окончаніе.)

Е.) РАЗБОРЪ НѢКОТОРЫХЪ СУЖДЕНІЙ, КАСАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТИ ГЕОРГІЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА И НѢКОЛЬКИХЪ, БЛИЖАЙШЕЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ ИМѢЮЩИХЪ, СОБЫТІЙ ЕГО БНЯЖЕНІЯ.—ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.—ОТЗЫВЫ ЛѢТОПИСЦЕВЪ О НЕМЪ.—МОЛИТВЕННОЕ ОБРАЩЕНІЕ ЦЕРКВИ КЪ НЕМУ.

*Первѣе неже испытаеши, не порицай, уразумѣй прежде (Сир. 11, 7.)
Мнози бо прельсти мнѣние ихъ
(—3, 24).*

Противъ Георгія Всеволодовича существуютъ нѣкоторыя своего рода нареканія, обвиненія и даже порицанія (*).

Долгъ нашъ—освободить отъ нихъ; на сколько возможно (**), священную личность глубоко чтимаго нами

(*) Это, впрочемъ, естественно. Ибо, при самомъ безкорыстномъ даже, со стороны человека, образѣ дѣйствій, невозможно ему избѣгать здѣсь совершенно колкихъ стрѣлъ злословія и осужденія, кои тѣмъ сильнѣе разятъ и уязвляютъ нерѣдко, чѣмъ выше и уважаемѣе личность, противъ которой онѣ направляются (Сир. 28, 16—18). Велемудрый [всею чаще произносящій слово осужденія на другихъ], по словамъ Премудраго, во укоризнѣ своей бываеъ дерзосердъ (Прит. 21, 4) и велеерльчивымъ языкомъ [Пс. 11, 4] своимъ, какъ стрѣлою уязвляющею (Іер. 9, 8), сострѣляетъ и правыя сердца (Пс. 10, 2).

(**) Говоримъ: на сколько возможно, потому что, при самыхъ блестящихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ человека, трудно ему и даже невозможно пребыть на землѣ свободнымъ во всю жизнь свою

благовѣрнаго князя, имя и *память* коего должны быть въ *благословеніихъ* (Сир. 46, 13) у всѣхъ его потомковъ. Съ этою цѣлю разсмотримъ, въ заключеніе биографіи его: въ какой степени справедливы и вниманія нашего достойны взводимыя на него обвиненія.

Первое, что бросается прежде всего въ глаза обвинителямъ вел. князя, это—липецкая битва, какъ мрачный, въ самомъ дѣлѣ, эпизодъ изъ исторіи княженія Георгія. Думаютъ нѣкоторые, что вел. князь этотъ, стремясь безъ мѣры къ первенству и самовластію, сдѣлался чрезъ то главнымъ виновникомъ, происшедшаго тогда между братьями, кровопролитія. Это потому въ особенности, — какъ утверждаютъ, — что онъ не хотѣлъ никакъ уступить великокняжескихъ правъ и преимуществъ своихъ старшему брату Константину (изъ-за чего давно и прежде грозила ему война), несмотря на старшинство послѣдняго, дававшее ему большія уже предъ прочими братьями права и власть. Не хотѣлъ онъ, — говорятъ, — принять и посредничества Мстислава, желавшаго примирить, до начала еще сраженія, враждующихъ братьевъ (*).

Правда, что еслибы Георгій Всеволодовичъ уступилъ престолъ Константину, то междоусобное кровопролитіе

отъ такихъ или иныхъ, по крайней мѣрѣ, незначительныхъ, погрѣшностей и ошибокъ. «*Errare humanum est* — человѣку свойственно погрѣшать» — гласитъ, опытомъ всѣхъ временъ оправданное и за истину непреложную признанное, изреченіе вѣговой мудрости житейской. *Седмерицею падетъ*, во дни дѣятельности своей, и *праведный* мужъ (Прит. 24, 16), — подтверждаетъ голосъ богодухновеннаго мудреца древности. «Пусть и праведенъ кто либо, — разсуждаетъ св. Златоустъ, — но, хотя бы онъ тысячу разъ былъ праведенъ и восшелъ до самаго верха [совершенства], такъ что отрицался отъ грѣховъ... во онъ — человекъ. А кто (изъ людей) похвалится чисто *милти* сердце? Или кто дерзнетъ рещи чисто себя быти отъ грѣховъ (Прит. 6, 12)?... Не возможно, значить, человѣку быть безгрѣшнымъ» [О Лаз. бес. V, 45].

(*) Такъ именно выходитъ и такое именно заключеніе выводить можно изъ описанія липецкой битвы у довольно многихъ нашихъ историковъ, выставляющихъ личность вел. князя въ несовершеннѣйшемъ выгодномъ для него свѣтѣ, мало его оправдывающихъ и не очень вообще уважительно (не взирая на священный авторитетъ личности) о немъ отзывающихся.

могло быть устранено и престало бы, вѣроятно, въ самомъ началѣ (*). Но не изъ за этого возгорѣлась первоначально война между братьями, если припомнимъ подробнѣе всѣ обстоятельства печальной липецкой катастрофы.

Извѣстно, что Георгій вызванъ былъ на брань другимъ братомъ своимъ, Ярославомъ, котораго, вслѣдствіе просьбы его, пошелъ онъ защитить противу сильнаго тестя его, Мстислава торопецкаго (Удалаго), и союзныхъ съ нимъ князей. Мстиславъ,—какъ знаемъ мы,—требовалъ вначалѣ,—и требовалъ очень немногаго,—чтобы зять его освободилъ только новгородцевъ, коварно захваченныхъ имъ въ плѣнъ и томившихся у него въ неволѣ. «Се новгородцы»,—говорилъ онъ чрезъ пословъ виновному зятю своему,—«се новгородцы и новоторжцы плачуще вопіють на тебя ко Господу Богу и пречистой Его Матери Богородицы и къ моей худости, яко избодилъ еси ихъ». За тѣмъ онъ же, и наречито какъ бы, въ оправданіе нисколько невиннаго тутъ Георгія, прибавилъ: «а (отъ) великаго князя Юрья Всеволодича нѣсть намъ ничтоже ни обиденія, ни насилія» (**). На требованіе правдиваго тестя своего новгородскій князь, вмѣсто должнаго исполненія воли его, отвѣчалъ гордымъ и рѣшительнымъ отказомъ: «мира не хочу, и гостей не отдамъ, и что взяхъ, то у мене» (***) . Такая неуступчивость и самонадѣянность, естественно, повлекли за собой войну.

(*) «Паки посласта»,—говоритъ лѣтопись о Мстиславѣ и Константинѣ,—«къ обѣмъ княземъ (Георгію и Ярославу) послѣднюю рѣчь: мы пришли есмь... не ва провозроditie, крови не дай Богъ створити, да до того управимъ...; а дадимъ старѣйшинство князю Константину, а посадите и въ Володимерь, а вамъ земля Суздальская вся». Князь Юрій же рече: «рци братьѣ моеи, княземъ Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъйти; а брату Константину молви: перемоги насъ, тебѣ вся земля Тако князи... Юрій и Ярославъ... не пріясга мира» (Тролиц. 212.)

(**) Никон.—323 — Тоже говоритъ и Троицк. лѣтопись: «кляваемся (Юрью), пѣту намъ съ тобою обяди, обйда намъ съ Ярославомъ» (—стр. 212.)

(***) Никон.—323— 4.

Ярославъ, дѣйствуя съ прежнимъ, обычнымъ себѣ, коварствомъ и самолюбіемъ, умѣлъ до того искусно на первое время запутать въ свои сѣти и потомъ вовлечь въ войну простодушнаго Георгія, что этотъ не могъ и разгадать вначалѣ, кого пришелъ онъ выручать—праваго или виноватаго, и въ чьихъ интересахъ придется ему дѣйствовать послѣ. «Я за одно съ братомъ моимъ, Ярославомъ»,—отвѣтилъ онъ только, съ увѣренностію въ правотѣ его, пришедшимъ къ нему посламъ Мстислава, и тѣмъ напередъ заявилъ, что, изъ любви къ кровному брату, намѣренъ онъ защищать его до конца, биться за него до послѣднихъ силъ.

Послѣдствія не оправдали, однако, успѣхомъ благія намѣренія и дѣйствія вел. князя. Когда ужъ нельзя было поправить дѣла, тогда только обнаружались вполнѣ коварные замыслы и лукавство новгородскаго князя, къ огорченію и бѣдѣ великодушнаго заступника его. Неблагопріятный исходъ битвы раскрылъ, наконецъ, глаза прямодушному Георгію и выставилъ предъ нимъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ личность самолюбиваго его брата. Благосердый защитникъ мнимо обиженнаго родича созналъ теперь, хоть поздно, и убѣдился, что войны съ Мстиславомъ и Константиномъ вовсе не было-бъ у него, еслибы до нея не довелъ его хитрый Ярославъ (*). Это прямо и ясно высказалъ Георгій Всеволодовичъ, когда, удаляясь послѣ липецкой битвы изъ Владиміра въ данный ему на время удѣлъ—вожскій Городецъ, пришелъ онъ помолиться, предъ отбытіемъ своимъ, во храмъ Богоматери. «Не я началъ междоусобіе»,—съ плачемъ и слезами вопіялъ онъ тогда, повергшись предъ гробницею отца,—«не я возсталъ на брата моего, Константина; меня принудилъ

(*) Не мало, — какъ извѣстно, — распаяжи вражду между братьями и способствовала кровавой между ними схваткѣ еще дѣтены, окружавшіе вел. князя и союзныхъ съ ними братьевъ.

къ тому братъ мой, Ярославъ... Суди, Боже, брату моему Ярославу, который довелъ меня до того» (*).

Не менѣе винилъ Ярослава же, впоследствии, и Константинъ, когда тотъ явился къ нему изъ Переяславля послѣ липецкаго сраженія. «Ты привелъ брата, Юрія, на зло, хотя лишить меня и малаго моего владѣнія...; Ты съ тестемъ твоимъ, Мстиславомъ, началъ войну неправо... И слышать о мирѣ не хотѣлъ» (**). Потому-то, взошедши на великокняжескій престоль, Константинъ пошелъ было войною на вѣроломнаго Ярослава, чтобы наказать его какъ виновника случившагося междуусобія. Онъ двинулся уже съ этою цѣлю прямо къ Переяславлю, и только смиренная покорность, да чистосердечное раскаяніе въ винѣ своей спасли на этотъ разъ виноватаго брата отъ ожидавшаго его наказанія.

Такимъ образомъ изъ хода дѣла открывается, что виною братоубійственнаго кровопролитія липецкаго былъ вовсе не вел. князь Георгій, но главнымъ и преимущественнымъ образомъ—князь новгородскій, Ярославъ. Вина же Георгія Всеволодовича въ этомъ случаѣ заключалась развѣ въ томъ только, что онъ не согласился, по первому требованію Мстислава, сложить съ себя добровольно великокняжескій санъ и передать его, вмѣстѣ съ престоломъ владимірскимъ, старшему брату. Но Константину еще на подобное же требованіе Георгій съ самаго начала княженія своего отвѣчалъ явнымъ отказомъ,—и отвѣчалъ весьма законно и справедливо,—на томъ именно основаніи, что самъ «отецъ отдалъ» ему предъ смертію «и ста-

(*) Никон. — 333.

(**) Татищ. 111, 399.—Ярослава же не менѣе выставлялъ виновникомъ кровопролитія и народъ Владимірскій, какъ знаемъ изъ исторіи Липецкой битвы. — Кромѣ того, и Мстиславъ, въ наказаніе его, «пелусги дочери своей къ нему». (Троицк.—215), не смотря на его мольбы.

рѣйшинство и гор. Владиміръ». Это-то старѣйшинство и соединенныя неразрывно съ нимъ права на престолъ великокняжескій и отстаивалъ всеѣми силами Георгій Всеволодовичъ въ свое время. Значить, не слѣдуетъ много и винить его въ настоящемъ случаѣ за стремленіе къ первенству и единовластію. Онъ, естественно, старался удержать то, чѣмъ владѣлъ по праву, по неизмѣнному завѣщанію отца своего,—защищалъ отеческое наслѣдіе, которымъ всего больше дорожатъ всегда дѣти и которое не могъ же, разумѣется, и не долженъ былъ онъ, какъ и всякій другой, отдать даромъ, безъ бою, какому бы то ни было претенденту и сопернику.

Разбирая за тѣмъ безпристрастно и обсуживая строго дѣйствія старшаго брата Георгіева въ отношеніи къ послѣднему, мы увидимъ, что и Константинъ былъ неправъ во многихъ случаяхъ, что и его нельзя оправдывать совершенно въ дѣлѣ липецкой усобицы. Властолюбивымъ стремленіемъ съ самаго начала къ престолу, постояннымъ стараніемъ отнять его, во что бы то ни стало, у брата своего, онъ сдѣлался виновникомъ давнихъ уже и опасныхъ смутъ и раздѣленій въ народѣ.

Такъ, на самыхъ первыхъ порахъ, при одной вѣсти о назначеніи отцемъ своимъ, Всеволодомъ, на престолъ владимірскій Георгія, Константинъ, «услышавъ сія,»—какъ говорится въ лѣтописи,—«разгорѣлся яростію и воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрья брата своего и на всѣхъ думцевъ (совѣтниковъ), иже здумаша сія тако сотворити, и много волненіе и смущенія бысть о семъ и многи людіе сюду и сюду отбѣжаху мятущеса» (*). Напрасно старался послѣ этого Георгій поладить съ старшимъ братомъ и угодить ему по мѣрѣ возможности, что-

(*) Никон. — 311.

бы заглушить сколько нибудь тревожившую его мысль о лишеніи отцовскаго наслѣдія. Хотя вскорѣ по вступленіи на престоль приходилъ онъ съ братомъ своимъ, Ярославомъ, къ Константину въ Ростовъ, желая прекратить навсегда гибельную распрю и условиться за тѣмъ на счетъ владѣнія великимъ княженіемъ: однако, это не помогло ему и не принесло прочнаго мира и спокойствія на дальнѣйшее время.

Къ огорченію Георгія, неоднократно и потомъ заводилъ самъ Константинъ ссору изъ-за престола и собирался идти войною на своего брата. Въ 1212 году, — по сказанію лѣтописца, — онъ первый «нача рать замышляти на Георгія, хотя подъ нимъ взяти Володимерь» (*). Въ слѣдующемъ году «начать Константинъ опять рать замышляти на братью» (**). Наконецъ когда за Новгородцевъ, обиженныхъ неправо Ярославомъ, вступился Мстиславъ и предложилъ Константину союзъ съ нимъ противъ Ярослава и Георгія: тотъ охотно согласился на такой союзъ, въ надеждѣ добыть себѣ, хоть помощію другихъ, владимірскій престоль, который обѣщаль ему передать впоследствии будущій его союзникъ. Желаніе ростовскаго князя дѣйствительно исполнилось и планы его осуществились: лицецкая битва, предавъ Георгія въ руки Мстислава и его союзниковъ, доставила Константину то, чего давно и съ безплодными усиліями добивался онъ. Вотъ почему князь этотъ и былъ довольно дѣятельнымъ участникомъ происшедшаго кровопролитія, и вотъ почему побѣжденный Георгій, явясъ послѣ сраженія въ станъ побѣдителей и ударивъ имъ челомъ, смиренно и жалостно умолялъ всѣхъ: «не предайте ему (Константину) меня на смерть» (***). Такъ много опасался и теперь даже Георгій, никому уже не опасный, за собственную жизнь, боясь постоянно

(*) Воскрес. — 118.

(**) Тамъ же — 119.

(***) Никон. — 332.

мщенія брата, недовольнаго прежнимъ его возвышеніемъ. И надобно прибавить, что только послѣдующими, истинно-добрыми и великодушными, дѣйствіями въ отношеніи къ обиженному брату, по восшествіи своемъ на престолъ, загладила Константинъ тяжелую вину свою предъ нимъ.

Второе обвиненіе, на Георгія Всеволодовича падающее, касается образа его дѣйствования и государственной распорядительности во время бѣдственнаго нашествія на Русь монголовъ. Говорятъ, въ укоризну ему, порицатели его, что, надѣясь на собственные силы и заботясь исключительно о себѣ самомъ, да своемъ княжествѣ, онъ не отозвался немедленно самымъ дѣломъ на воззваніе князей рязанскаго и другихъ о помощи противъ враговъ, — «не внялъ» въ этомъ случаѣ «ни благоразумію, предписывающему осторожность и содѣйствіе въ общей напасти, ни вѣрѣ, повелѣвающей умирать за братьевъ и соотечественниковъ» (*).

Обвиненіе, дѣйствительно, немаловажное, бросающее тѣнь подозрѣнія значительнаго на чистоту намѣреній и дѣйствій обвиняемаго лица!—Но мы не будемъ много дивиться тому странному, на первый взглядъ, явленію, что вел. князь не послалъ вдругъ требуемаго вспоможенія военнаго соотечественнымъ князьямъ, если обратимъ прежде вниманіе на слова лѣтописца, слѣдующимъ образомъ объясняющаго подобныя явленія, и въ другихъ концахъ русской земли тогда повторявшіяся: «уже баше», — рассуждаетъ повѣствователь, — «Божію гнѣву не противитися; недоумѣніе бо и угрозу, и страхъ, и трепеть наведе на ны за грѣхи наша, и поглощена бысть премудрость могущихъ строити ратныя дѣла и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася. Сего ради ни единъ отъ князей русскихъ другъ къ другу поиде на помощь» (**).

(*) Р. Ист. С. Глинки, М. 1823 г. 111, 30. — Нов. Ядро Р. Ист., М. 1809 г., 1, 318.

(**) Никон. — 271.

Такимъ образомъ не одинъ Георгій,—выходить,—бездѣйствовалъ при видѣ общихъ бѣдствій отечественнаго народа. «Въ это несчастное время», — замѣчаетъ справедливо и нашъ исторіографъ,—«всякій думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія» (*). Таково было состояніе умовъ въ тогдашней Руси!

Георгій Всеволодовичъ, впрочемъ,—скажемъ въ оправданіе его,—не бездѣйствовалъ совершенно и въ отношеніи къ другимъ, даже отдаленнымъ отъ него русскимъ областямъ; онъ не былъ хладнокровнымъ зрителемъ бѣдъ отчизны. Такъ еще въ первоначальное нашествіе монгольское,—1224 года, когда въ первый разъ ступили на русскую землю азіатскіе варвары и князя южной Руси обратились за помощію къ Георгію, онъ не отринулъ общаго прошенія ихъ. Племянникъ его, ростовскій князь, Василько, въ непродолжительномъ времени, отправился къ нимъ,—по распоряженію дяди,—съ дружиною своихъ ростовцевъ (въ 800 челов.) и, дошедши почти до Чернигова, расположился уже ратію близъ этого города, чтобы, въ случаѣ возможности, дѣйствовать послѣ противъ непріятелей вмѣстѣ съ другими князьями. Хоть пособія какого-либо и не могъ, къ сожалѣнію, подать онъ въ то время нуждавшимся въ немъ князьямъ (**): тѣмъ не менѣе дѣятельное сочувствіе Георгія Всеволодовича къ бѣдствовавшимъ соотчичамъ выказалось тогда передъ всѣми, какъ видимъ, и въ достаточной мѣрѣ. За тѣмъ и во вторичное нашествіе враговъ на Русь, вел. князь также не отказалъ вовсе въ помощи рязанскимъ князьямъ и ихъ союзникамъ. Онъ посылалъ къ нимъ,—какъ знаемъ изъ

(*) Карамз. — 111, 228.

(**) Услышавъ о несчастномъ для русскихъ исходѣ битвы при р. Калкѣ, гдѣ палъ, можно сказать, весь цвѣтъ южной Руси, Василько воротился къ дядѣ, благодаря Промыслъ за свое спасеніе (Лаврент.—189.

предыдущей исторіи его княженія, — вспомогательный отрядъ войска съ сыномъ своимъ, Всеволодомъ. Оплошность его въ томъ только состояла, конечно, на этотъ разъ, что онъ не вдругъ и не благовременно, какъ требовалось, выслалъ просимую у него помощь. Но кто утвердительно въ этомъ случаѣ скажетъ, что онъ не посылалъ войска своего и въ этотъ разъ на вѣрную и, стало быть, бесполезную для него и всѣхъ погибель, какъ показывали иные нѣкоторые примѣры сраженій съ татарами, гдѣ не оказывали пособія никакія силы постороннія и перевѣсъ оставался постоянно на сторонѣ нашихъ враговъ?...

Притомъ, лѣтописцы согласно свидѣтельствуютъ о Георгіѣ Всеволодовичѣ, что онъ «хотѣ самъ о себѣ особь сотворити брань съ супостатами» (*). Можетъ быть, — какъ не безъ основанія думаютъ, — онъ «хотѣлъ и одинъ управиться съ татарами» (**), уже ослабленными не мало предшествовавшимъ сопротивленіемъ русскихъ и не рѣдкими кровавыми стычками съ ними. Но, какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, войска свои необходимо надлежало сберечь вел. князю на будущее время для своей собственной области, которую все-таки больше чужихъ, постороннихъ предписывалъ ему долгъ охранять отъ вражескаго нападенія, защищать и отстаивать (***)

(*) Никон. — 371; Воскрес. — 139. — Вообще Георгій, кажется, поставилъ себя задачей, чтобы какъ можно меньше вступаться въ дѣла Руси юго-западной и сѣверо-западной, и вообще больше посвящать дѣятельность свою благосостоянію роднаго края восточнаго.

(**) Карамз. 411, 347.

(***) Замѣтимъ здѣсь, кромѣ того, что власть вел. князя была въ то время слишкомъ еще ограничена, и «Георгій Всеволодовичъ, хоть сильнѣйшій изъ современныхъ князей, могъ располагать только своею областію владимірскою, и не имѣлъ никакой власти надъ князьями удѣльными» (Устрял. Р. Ист., протр., изд. I, стр. 200), которые, по его мановенію (какъ это стало при вел. князьяхъ дальнѣйшаго времени), двинули бы свои дружины въ подкрѣпленіе ратныхъ его силъ. Слѣд., ему нужно было дорожить послѣдними, въ виду будущихъ опасностей, и не терять ихъ тамъ, гдѣ можно было соблюсти.

Вообще,—нужно замѣтить,—что если и допущены въ сказанное время погрѣшности и ошибки вел. княземъ Георгіемъ, то онѣ произошли всего болѣе отъ свойственнаго тѣмъ временамъ и всеобщаго тогда стремленія князей ко старшинству, оправдываемаго духомъ тѣхъ же временъ, и еще, не менѣе того, вслѣдствіе зависти и иныхъ страстей, сильно возмущавшихъ разныхъ удѣльныхъ владѣтелей, ко вреду Руси и ихъ собственной пагубѣ. «Не исправихомся»,—говоритъ въ объясненіе сего писатель Степенныхъ книгъ,—«не исправихомся и непотребни быхомъ, зависти же и гордости и неправды не лишихомся, и державніи наши, аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и начальство получить желаше, и единъ единого отъ отеческаго достоянія изгоняше, и каждо самочиннѣ тщашеся самодержство восхитити, и самъ старѣйшинствовати хотяше рускимъ царствіемъ, и братъ на брата иноплеменные языки поганыхъ варваръ наводяше» (*).

Замѣтимъ, сверхъ того, что братъ Георгія, Ярославъ новгородскій, будущій преемникъ его на великокняжескомъ престолѣ, болѣе другихъ обязанный ему прежде благодарностію, не только не оказалъ потребной помощи ближайшему родичу своему на берегахъ Сити, но не прислалъ ему даже никакой вѣсти о себѣ. «Упрямство новгородцевъ и мнимая осторожность были»,—какъ полагаютъ,—«тому причиною. Отъ разсѣянія силъ погибло 15 князей» (**).

Послѣ приведенныхъ и нами разсмотрѣнныхъ обвиненій противъ вел. князя Георгія не важнымъ уже представляется въ немъ недостаткомъ, что онъ «въ воинскомъ дѣлѣ»,—какъ замѣчаютъ,—«былъ неискусный (вождь), полагавшійся болѣе на число, чѣмъ на устройство войскъ, какъ видно изъ борьбы его съ Константиномъ» (***)).

(*) Степ. I, 333.

(**) Глгв. Р. Дст. III, 39.

(***) Щербат. II, 557.

Справедливо, что Георгій Всеволодовичъ не былъ *чуденъ*, какъ нѣкоторые другіе князья, *вополченіихъ брани* (Іудинъ. 11, 8). Но это нисколько неудивительно. Гениі военные образуются, какъ извѣстно, среди блестящей какой нибудь борьбы да частыхъ боевъ съ сильными и въ ратномъ дѣлѣ искусными врагами. Георгію же не гдѣ было развить и много усовершенствоваться воинскій талантъ, если бы и имѣлъ онъ его: мелкія стычки и сраженія съ удѣльными князьями вначалѣ (*), (до восшествия на престолъ), а потомъ съ разбойничьими мордовскими и болгарскими племенами (**), (по восшествіи на престолъ), въ которыхъ не всегда, притомъ, участвовалъ лично вел. князь, не могли приучить временно собираемыхъ и разными вождами предводимыхъ ополченій его къ регулярнымъ битвамъ и строго разсчитаннымъ, по всѣмъ правиламъ военной стратегіи, сраженіямъ. Да и воинское искусство того времени было слишкомъ не блистательно вездѣ вообще на Руси (***) , какъ доказали то неоднократныя битвы русскихъ съ татарами (****). Къ тому же Георгій, занимаясь постоянно дѣлами преимущественно своего княжества и не столько ужъ обращая вниманія на событія въ другихъ областяхъ русскихъ, уклонялся поэтому и отъ воинскаго вмѣшательства въ случаѣ войнъ

(*) Исключая развѣ лицедную битву.

(**) Изъ нихъ нѣкоторые, — какъ замѣчаютъ, — вовсе «не имѣли духа воинскаго» (Кар. III, 227), и слѣд., не могли быть хорошими учителями русскихъ въ военномъ искусствѣ.

(***) Ополченія нашихъ князей, набравшіеся временно изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, представляли скорѣе нестройную толпу, мало обученную оружію и непривыкшую къ мечу. При этомъ недоставало еще единства и удобства въ вооруженіи; князья не раздавали ратникамъ своимъ однообразнаго и къ битвамъ приспособленнаго оружія; случалось, что и сами они дѣйствовали чѣмъ попадало. Такъ, напр., въ лицедной битвѣ Мстиславъ Удалей дѣйствовалъ съ топоромъ въ рукахъ.

(****) Въ противоположность русскимъ, татары снабжены были всякаго рода военными орудіями и были искусны, особливо при осадахъ и взятіи городовъ, такъ что рѣдкій изъ послѣднихъ могъ долго сопротивляться имъ. Мы же, напротивъ того, «при постоянномъ изнеможеніи, отвѣдали встрѣчать враговъ въ открытомъ полѣ и болѣе любили воевать подъ защитою крѣпостей. Погодовное ополченіе и оборонительная война суть двѣ отличительныя черты ратнаго дѣла нашего при монголахъ». (Устрял. Р. Ист. простр., I, 333.

между ними. Если нѣкогда ходилъ онъ съ войскомъ своимъ противъ Новгорода, наприм., или противъ Олега Курскаго, то потому наиболѣе, что къ этому влекли его обязательныя узы кровнаго родства, тѣснимаго и угнетаемаго врагами. Нарочно же онъ не выискивалъ случаевъ выказать превосходство ратныхъ силъ своихъ въ борьбѣ съ другими,—не добивался тѣмъ болѣе суетной славы героя-побѣдителя, какъ дѣлали это нерѣдко другіе. Въ наибольшей части случаевъ вѣрный миръ и спокойствіе предпочиталъ онъ сомнительной брани. Только необходимость исторгала его иногда изъ мирнаго покоя и вызывала на ратное поле.

Вообще о характерѣ Георгія Всеволодовича надобно сказать, что вел. князь этотъ былъ болѣе миролюбивъ и кротокъ, чѣмъ къ войнѣ склоненъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ безпокойныхъ, браннолюбивыхъ властителей, кои, по Писанію, *брани строятъ* постоянно и *распри воздизаютъ* на землѣ, *не допускающе царству своему благосостоянія получить* (Макк. 14, 6). Напротивъ, желая всего болѣе, *да будетъ миръ и правда во дни его* (Ис. 39, 8) и хотя *кротостію и многимъ челоувѣколюбіемъ благоустроити живущія* у себя люди (3 Мак. 3, 10),—хотя *безмятежно житіе устроить подручныхъ* своихъ, онъ *кротостію и тихостію всегда правилъ* (Есѣ. 3, 13), *въ кротости дѣла свои преровождалъ* (Сир. 3, 17) и *кротостію душу свою прославлялъ* (— 10. 31). Держась во всю жизнь убѣжденія, что *во мнози правды крѣпость многа* (Прит. 15, 5), онъ, какъ добрый «земледѣлецъ» (*) *духовный, не сѣялъ никогда на браздахъ неправды* (Сир. 7, 2), но *сѣялъ всегда себя въ правду* (Ос. 10, 12), *ходилъ пу-*

(*) Такое имѣетъ значеніе въ Греческомъ языкѣ греческое имя «Георгій» — писатель «Степенныхъ книгъ» усвоилъ ему и другое значеніе: «Георгій, яже толкуется сіе имя *Божіе дѣло*, воистину убо Божіе дѣло бысть» (—I, 220).

тема истины вся дни живота своего (Тов. 1, 2). Царствуя же на землѣ истины ради, и кротости, и правды (Иср. 44, 5), подвизаясь непорочно совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и челоуки (Дѣян. 24, 15), онъ оставлялъ въ сторонѣ честолюбивые замыслы и предпріятія людскія, когда не вели они къ добру, избѣгалъ поводовъ къ враждѣ напрасной, отрѣвалъ душепагубную гордость и преисполнялъ себя духомъ истиннаго смиренія предъ Богомъ и людьми.

Особенно христіанская любовь къ ближнимъ, милосердіе къ бѣдствующимъ собратіямъ, неоскудная благотворительность имъ, во дни тяжкихъ нуждъ ихъ и скорбей, отличали добрую душу сего св. князя. Всѣ бѣдные, немощные и страждущіе находили въ немъ подпору себѣ и утѣшеніе, видѣли въ немъ наилучшаго отца, благодѣтеля и друга. Любеобильное сердце его изливалось благодѣяніями на всѣхъ безъ исключенія подданныхъ его. Въ залогъ безграничной любви и привязанности къ народу своему онъ не пожалѣлъ,—какъ знаемъ,—не смотря на явную опасность, оставить однажды въ великокняжеской столицѣ, во время татарскаго нашествія именно, лучшее и драгоценнѣйшее сокровище сердца своего—собственную супругу и дѣтей. А такимъ несказанно—великимъ самоотверженіемъ, такимъ огромнымъ пожертвованіемъ онъ очевиднѣйшимъ образомъ засвидѣтельствовалъ передъ всѣми, что спокойствіе подчиненныхъ и ихъ благо также дороги и важны были всегда для него, какъ спокойствіе и благо ближайшихъ его кровныхъ (*).

(*) За то и самъ вел. князь пользовался не малою любовью и расположеніемъ подданныхъ во все время правленія св. его. Двукратныя,—какъ видѣли мы,—горькія слезы и рыданія народа, одинъ разъ,—при прощаньи съ вел. княземъ предъ выступленіемъ его въ походъ противъ татаръ, въ другой—надъ его гробомъ, принесеннымъ во Владиміръ,—достаточно показываютъ, въ какой степени проявлялись любовь и привязанность подвластныхъ къ этому государю.

Въ отношеніи къ кровнымъ этимъ мы видѣли уже, какимъ нѣжнымъ, благодушнымъ былъ онъ братомъ и родственникомъ. Не помня нисколько зла, причиненнаго ему нѣкогда старшимъ братомъ, Константиномъ, принявъ въ покровительство сыновей его и бывъ для нихъ неизмѣнно попечительнѣйшимъ отцомъ и другомъ, онъ явилъ тѣмъ примѣръ рѣдкаго великодушія и христіанскаго прощенія обидъ. (*).

При такихъ достохвальныхъ, истинно-христіанскихъ качествахъ, Георгій Всеволодовичъ проявлялъ еще иныя, не менѣе высокія, доблести душевныя. Во время войны, когда дѣло шло о защитѣ и охраненіи родной земли и Богомъ вѣреннаго народа своего, онъ былъ храбръ, мужественъ и неустрашимъ, исполненъ ревности ко спасенію жизни ближнихъ, проникнутъ духомъ истиннаго, неподдѣльнаго патріотизма. И во дни другихъ бѣдъ отечества, или же несчастій и злключеній собственныхъ, онъ также былъ бодръ, твердъ, терпѣливъ и великодушенъ, согласно наставленію Премудраго, поставляющаго *въ долготерпѣннѣи благополучіе царемъ* (Прит. 25, 15). Вообще за честь свою, за вѣру и отечество стоялъ онъ крѣпко и подвизаться готовъ былъ до послѣдняго издыханія. Съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтивъ враговъ вѣры и отчизны на ситскихъ берегахъ и даже до смерти ратуя съ ними, до конца проливая кровь свою, онъ несомнѣннымъ, явственнѣйшимъ образомъ доказалъ, что былъ вождь и руководитель народа добрый, не щадившій для него собственнаго живота, — «воинъ» Христовъ «воистину» (**)
неослабный и непостыдный, готовый умереть за законы

(*) Изъ за другаго же брата своего, Ярослава, — котораго, по добротѣ своей, хотѣлъ онъ защитить отъ противниковъ его, — пришлось ему, — какъ знаемъ, — лишиться даже престола. Но благочестивый, исполненный вѣры и уюванія на Бога, князь великій жадѣлъ и скорбѣлъ не столько объ утратѣ своей власти, сколько о кровопролитіи и враждѣ, въ какия вошелъ тогда съ своими братьями.

(**) Сѣдал. 4 февр.

и отечество (2 Мак. 8, 21) и самымъ дѣломъ душу свою положившій за други своя (Іоан. 15, 13). Мужественнѣ подвизаяся даже до смерти за законы, за святилище христіанское, за градъ свой, за отечество все и за гражданство отечественное (— 13, 14), онъ поистинѣ подвигомъ добрымъ подвизался (2 Тим. 4, 7) и воистину тѣломъ и душою первоподвижникомъ явилъ себя, какъ новый маккавей, за гражданъ своихъ (2 Мак. 15, 30) (*).

Если поѣтому, — скажемъ, — и были допущены вел. княземъ погрѣшности какія нибудь во дни земнаго владычества его, то ихъ всецѣло и вполнѣ, — согласится всякій, — искупила и загладила доблестная кончина страдальца, поболѣвшаго много за родную святыню свою — отечественную вѣру и землю.

Отзывы лѣтописцевъ, высокими похвалами украшающихъ священную память благовѣрнаго князя Георгія, восполняютъ скудное наше изображеніе великихъ добродѣтелей его и заслугъ.

«Бѣ Юрій», — говоритъ одинъ изъ дѣписателей, — «украшенъ добрыми нравы..., потщася Божья заповѣди хранити, и Божій страхъ присно имѣя въ сердци... Поминая слово Господне: не токмо други, но враги ваша любите...; безбожныя татары отпускаше одарены (*)... Милостивъ же баше паче мѣры... и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, церкви зижа и украшая иконами безцѣнными и книгами, и грады многи постави...; чтяшетъ же

(*). Послѣ этого видна вполнѣ вся несправедливость вышеприведеннаго нами обвиненія противъ вел. князя, будто онъ «не внималъ вѣрѣ, повѣдывающей умирать за братьевъ и соотечественниковъ».

(**) Это было, когда татары приходили разъ къ вел. князю въ качествѣ пословъ.

излиха чернецьскій чинъ и поповьскій, подая имъ еже на потребу» (*).

«Бысть кротокъ и смиренъ (Георгій)», — восхваляетъ св. князя другой, — «всѣхъ милуя и снабдѣвая, и милостыни любя и церковное устроение, о томъ пекился отъ всея души своея, украшая чудными иконами и исполняя книгами и всякими украшеньми; чья же священнической и иноческой чинъ, и дая имъ на потребу, взимая отъ нихъ благословение. Бѣ бо сей святой князь Георгій воистину по Юву, око слѣпымъ, нога хромымъ и рука немощимъ, всѣхъ любя, нагя одѣвая, трудныя упокоевая, печальныхъ утѣшая; никого же ничимъ не оскорби, но всѣхъ умудрялъ своими словесы; часто почитая святыя книги съ прилежаніемъ, и творяше все по писанному, не воздая зла за зло; воистину бо одарова его Богъ кротостію Давидовою, мудростію же Соломоновою, — и исполненъ сый апостольскаго правовѣрія, поминаше всегда, яко многими скорбми христіанамъ подобаетъ внити въ царство небесное и яко нуждницы восхищаютъ е» (**).

«Бысть украшенъ Юрій», — превозноситъ его третій, — «всѣми добрыми нравами, имѣя страхъ Божій всегда въ сердцѣ своемъ, исполняя всѣ заповѣди Господни и, омывшись кровію мученическою, украсился вѣнцемъ славы. Милостивъ былъ онъ къ убогимъ, создалъ многіе храмы и обители, 25 лѣтъ украшая собою престолъ владимірскій, и предпочелъ славную смерть недостойному игу, какъ злато,

(*) Лаврент.—200.

(**) Древн. рукоп. жит. св. князя. — Кромѣ того, по поводу брака его, говорится: «благочестивый князь Георгій, и супруга его вел. княгиня Агаеид' благочестиваго корвя, добръ научена быша благочестію, и тако оба свята праведна, милостива, кротка, обидимыя изънимаста изъ руки обидящихъ, и чинія миловаста вельми, воздержанію же прилежаста, и любаста постъ, цѣломудріе и чистоту, и паче по премногу Христу угождаста во всемъ добрыми дѣлы своими, желающе, по Господню словеси, кроткихъ землю наследити и покой праведныхъ обрѣсти».

искушенное въ горнилѣ, многими напастями взошедши въ царство небесное» (*).

По всему, такимъ образомъ, видно, что *сердце* благочестиваго князя *бы совершенно* предъ Вышнимъ *во всѣхъ дняхъ его* (2 Пар. 15, 17) и что онъ *сотвори благое и правое, и истинное предъ Господомъ Богомъ своимъ* (— 31, 20). За сіе-то все и сподобился онъ мученичeskій вѣнецъ пріять отъ руки верховнаго Подвигоположника и «небесныхъ чиновъ сликовникомъ» (**), содѣлаться на вѣки отъ Него удостоенъ.

Св. церковь, ублажая въ пѣснопѣніяхъ своихъ св. благовѣрнаго вел. князя Георгія, обращается съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ къ небесному заступнику сему и покровителю отечественной земли нашей: «Угодниче Христовъ и предстателю теплый, не престаи моляся о рабѣхъ твоихъ (***). Свѣту невечернему предстоя страстотерпче, съ мученическими лики, воспѣвающія ты въ памяти твоей отъ искушенія спасай молитвами твоими (****). Молимся непрестанно, да молишия ко Господу за души наша (*****). Молися даровати душамъ нашимъ миръ и велію милость» (*****).

А. П—кій.

(*) Ростовск. лѣтоп. — у Мурав. въ жит. св. ив. Георг. подъ 4-мъ февр., стр. 47.

(**) Стих. на Госп. воззв. мал. веч. 4 февр.

(***) Стих. 4.

(****) Свѣтил.

(*****) Стих. 2 на лит.

(*****) Стих. 2 на Госп.воззв.

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.)

*Какою мьрою мьрите, такою и вамъ
будутъ мьрить (Мат. 7, 2).*

(Окончаніе.)

V.

Дня черезъ три священникъ воротился изъ города, привезя съ собою цѣлую груду букварей, ариеметикъ, досокъ, бумаги, перьевъ, карандашей, и проч. принадлежностей для школы.

— Не бранись, мой другъ, что я много иссорилъ денегъ, сказалъ священникъ, обнимая свою жену и показывая ей покупки.

— Только не жалѣй, — Богъ дастъ, пойдетъ въ прокъ, съ радостью и ангельской улыбкой отвѣчала супруга.

Вскорѣ затѣмъ отецъ Васил. собралъ всѣхъ дѣтей, назначенныхъ для ученя и ихъ родителей для молитвы въ своемъ домѣ, гдѣ, на первый разъ, до отведенія обществомъ особаго дома, открывалась школа. Съ чувствомъ и слезами о. Васил. читалъ молитвы молебна «предъ начатіемъ ученія отроковъ», прося милосердаго Господа призрѣть на его старанье, подкрѣпить его силы и благословить собравшихся сюда дѣтей на новые для нихъ, полезные труды ученя. О многомъ молился священникъ, — всего намъ не передать; мы знаемъ только, что искренняя и задумевна была его молитва, такъ что и присутствовавшіе тутъ дѣти, какъ бы испытывали благоговѣйное настроеніе въ сердцахъ своихъ и стояли чинно, устрема,

полныя свѣжести и невинности, глаза свои на священника; старики же тихо и набожно вздыхали, кладя усердно поклоны; нѣкоторыя женщины даже были въ слезахъ. Зрѣлище молебна, совершаемое молодымъ священникомъ среди крестьянскихъ дѣтей, въ присутствіи отцевъ ихъ и матерей, было въ самомъ дѣлѣ трогательно.

Такъ образовалась школа, возникшая единственно по горячему усердію священника. Дни проходили, мальчики посѣщали школу неопустительно и съ охотою. Священникъ, осуществивъ на дѣлѣ свое задушевное желаніе, занимался съ дѣтьми со всѣмъ усердіемъ, любовію и умѣньемъ; онъ достигъ того, что дѣти съ полнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушали его рассказы и толкованія; обходился съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, или братъ съ братьями; наказаній никакихъ не употреблялъ, кромѣ выговора, лишенія какой нибудь награды, осужденія предъ товарищами, и т. п. разумныхъ и согласныхъ съ дѣтскою природою мѣръ.

— Не побили ли тебя, сынокъ, спрашивала иногда мать своего сына, когда тотъ возвращался изъ школы.

— Что ты, матушка, говоришь? да развѣ у насъ батюшка-то учитель дерется? Онъ никогда и пальцемъ-то никого не трогаетъ, отвѣчалъ ей ребенокъ.

— Ну, если такъ — хорошо, замѣчала мать: не то — буде скажи, сынокъ, если бьютъ тебя: мы возьмемъ буде тебя изъ школы-то.

— Полно, мать, смущать парня, вмѣшивался тогда отецъ: благо — парнишка охотится учиться, да въ разумъ ему все идетъ, — а велика бѣда что посѣкутъ иной разъ, — не сахарный чай, не развалится.

— Да право же у насъ никого не съчетъ учитель, увѣрлялъ мальчикъ, — вонъ кто и урока не выучить — и

того не сѣчетъ, только буде постыдить, да велить опять тотъ же урокъ выучить вмѣстѣ съ новымъ. Батюшка не токмо что самъ не дерется, да и намъ не велить драться промежь собой, и коли увидить кого, что тотъ дерется, очень его совѣститъ и стыдить. «Помните, дѣти, говорить онъ намъ завсегда, — мой совѣтъ: не бейте никого ни теперь, ни послѣ; никогда не поднимайте рукъ своихъ для битья или драки, — однимъ животнымъ неразумнымъ свойственно, говорить, драться, а не человѣку».

Отецъ и мать оставались довольны подобнымъ объясненіемъ мальчика. — «Ишь вострый какой, думали они съ самодовольствомъ, какъ онъ все упомянулъ! Стало бытъ вправду не худо ихъ учить батька!»

Но не одинъ отецъ и не одна мать, а почти всѣ отцы и матери учащихся дѣтей, хотя и смутно, но понимали, что священникъ не дурную штуку затѣялъ, что сталъ учить ихъ парнишекъ. «Хорошо, думали они, что дѣти не балуются, — пусть ихъ учатся да разуму набираются... А священникъ, замѣтя, что крестьяне попривыкають къ новому его учрежденію и не жалуются на дѣтей, а еще спасибо ему говорятъ, что онъ пріучилъ ихъ мальчишекъ скромно вести себя, избѣгать дурныхъ словъ, почитать большихъ, не обижать маленькихъ своихъ сестеръ и братьевъ, — поспѣшилъ воспользоваться выгоднымъ о себѣ мнѣніемъ и сталъ упрашивать нѣкоторыхъ родителей, чтобы они отдавали ему для ученья и дочерей своихъ, выставляя на видъ отцамъ и матерямъ то, что и для женщинъ нужна наука, что гораздо счастливѣе они будутъ, разумѣе все, нежели незная ничего. — Подумали мужики и объ этомъ предложеніи священника, покачали головами... нои разсудивъ, что если батька худа не сдѣлалъ ихъ мальчуганамъ, то отчего же имъ добра бѣжать — ине отдать къ нему въ науку и дочерей своихъ? Такъ болѣе мысленные изъ родителей и сдѣлали, т. е. стали посылать въ школу и дѣвочекъ.

Съ дѣвочками принялась заниматься жена священника, и какъ принялась? Нельзя было безъ радости и удовольствія смотрѣть на ея занятія, и неудивительно! это дѣло: — занятіе съ дѣтьми было ей самое сподручное. У дяди своего въ городѣ, она вѣдь не годъ и не два повозилась съ дѣтьми, обучая ихъ съ успѣхомъ не такимъ не хитрымъ и простымъ наукамъ, какія преподавала въ сельской школѣ. Впрочемъ и здѣсь, сколько позволяло ей время, она разнообразила занятія, внося въ простые предметы своего преподаванія рассказы изъ другихъ наукъ, напр., географіи, исторіи, естествовѣденія, какія науки она любила и достаточно хорошо знала. А какъ Ольга Никит. умѣла привязать къ себѣ дѣтей! Какъ полюбили ее всѣ ученицы, — едва ли не больше, чѣмъ родныхъ матерей. Впрочемъ и было за что полюбить ее. Ни одна родная мать столько не позаботилась о своихъ дѣтяхъ, не сдѣлала имъ столько добра и удовольствій, сколько заботилась и сдѣлала для нихъ добра Ольга Никит.

Видятъ мужики и женщины — батюшка съ матушкой словно чудеса творятъ, и только дивятся да Бога молятъ, что послалъ Онъ имъ такихъ разумныхъ и добрыхъ людей. И теперь уже — сохрани Богъ кому либо сказать худо про священника, что вотъ, моль, бесѣды не водить съ ними, или притѣсняетъ ихъ, или что нибудь подобное, — должно быть такъ законъ велить, скажутъ имъ старики: батюшка зря ничего не дѣлаетъ.

Вольнѣе вздохнули хозяева В-скіе и почувствовали, что словно камень свалился съ ихъ сердца. За долговременное горе послалъ Господь имъ и утѣшеніе.

VI.

Между тѣмъ подошла весна, вторая по пріѣздѣ священника въ В-сь. Просохшія поля ждали сохи и уже начали зеленѣть взбѣгающей на солнцѣ травой. Крестьянамъ

пришло время приняться за пашню и посѣвы, но оказалось, что у инаго нѣтъ сохи, у другаго зерна, а у третьяго лошадки. Батюшка видитъ, что мужики почесываютъ въ затылкахъ, хмурятся и чаще обыкновеннаго проходятъ подъ его окнами.

— Что, братіе, гуляете, заговорилъ онъ разъ съ мужиками, остановившимися у его дома, — за пашню чай пора?

— Пора-то, пора, батюшка, да не управились еще.

— Какъ же это — не управились?

— Да вотъ у меня сѣмянъ для посѣва не хватаетъ, промолвилъ со вздохомъ одинъ; мнѣ, батюшка, тоже лошадку бы нужно купить, добавилъ другой. Не можешь ли намъ хоть малымъ дѣломъ справиться-то, батюшка? за ключили разомъ мужики.

— То-то вотъ и есть, братцы, — кабы вы прежде потрудолюбивѣе, да побережливѣе были, не было бы у васъ теперь этихъ нуждъ, замѣтилъ священникъ.

— Не говори, батюшка, это подлинно: грѣхъ попуталъ насъ на этомъ пьянствѣ, — вотъ теперь и каемся, да поздно.

— Раскаяться и исправиться еще не поздно, если только захотите, а я съ своей стороны изъ всѣхъ силъ радъ помогать вамъ въ этомъ. И вотъ тебѣ, Петръ, я съ удовольствіемъ дамъ въ займы сѣмянъ, но съ условіемъ, чтобы ты, во время работъ, отказался отъ всякаго празднаго препровожденія времени, а водки вовсе въ ротъ не бралъ. Согласенъ на мое предложеніе — дамъ сѣмянъ. И тебѣ, Иванъ, могу помочь въ покупкѣ лошади, если, во-первыхъ, ты представишь за себя поручителей въ томъ, что деньги ты мнѣ уплатишь, когда поразбогатишь, и во-вторыхъ, если ты передъ Богомъ и мной — Его служите-

лемъ дашь обѣтъ вести постоянно трезвую и трудолюбивую жизнь.

Согласны, батюшка, поступать по твоему: вѣдь ты не худому учишь, и сами мы это понимаемъ, только бы Богъ далъ силъ намъ.

— Силы будутъ, если захотите и попросите Господа Бога съ усердіемъ и теплою вѣрою.

И не только Петру и Ивану, но и другимъ крестьянамъ, въ чемъ либо нуждавшимся, священникъ помогалъ, чѣмъ могъ, приговаривая свою любимую поговорку: «разбогатѣете—отдадите; а разбогатѣете непременно, если будете постоянно трудолюбивы, трезвы и бережливы.»

Доброе слово священника недаромъ падало. Мужики дѣйствительно принялись за дѣло съ усердіемъ и во всю рабочую пору — весну и лѣто вели себя такъ, что священникъ не имѣлъ повода быть ими не довольнымъ. Вслѣдствіе постояннаго труда они стали и поправляться понемногу. Разумѣется поправка шла туго: благосостояніе и зажиточность хозяйская—не такое дѣло, что «тяпъ-ляпъ да и корабль.» Пропить и разсорить добро, свести домокъ въ одинъ уголокъ—вотъ это можно скоро. А обзавестись добромъ тамъ, гдѣ и не пахло имъ, гдѣ голодъ, холодъ, нужда и болѣзни не гостями гостили, а вкоренились хозяевами—вещь мудреная. Надо много силы, труда, терпѣнья и умѣнья на это. У нашихъ же мужиковъ В-скихъ какъ разъ ничего этого не было: бѣдность съѣла силу, а безъ нея и трудъ не въ трудъ. Словомъ, туго подвигалось дѣло сначала. Но какъ-бы то нибыло, а только прошелъ еще годъ, мужики вздохнули и поправились,—прошелъ третій—стали гораздо лучше,—прошелъ четвертый—сельцо В—съ и не узнаешь. Сосѣднія селы и деревни, считавшіе В-скихъ жителей наибѣднѣйшими крестьянами, теперь стали завидовать ихъ житью-бытью, и

думали, что непременно кладъ нашли В-скіе мужики, — не даромъ же они справляться стали...

Поощреніемъ къ труду для В-скихъ крестьянъ были, кромѣ постоянныхъ и настойчивыхъ убѣжденій священника, его собственный примѣръ, равно и примѣръ его доброй и умной супруги. Священникъ былъ олицетворенный образецъ трудолюбія и постоянной дѣятельности. Хотя землю онъ не самъ обрабатывалъ, а отдавалъ ее крестьянамъ *исполу*, но самъ наблюдалъ за ходомъ работъ у тѣхъ, которые взяли подъ себя его участокъ. Наблюдалъ, чтобы земля была хорошо унавожена, хорошо вспахана, во время посѣяна, высказывая въ тоже время извѣстныя ему изъ книгъ замѣтки и наставленія о томъ, какъ можно лучше удобрять и воздѣлывать землю, чтобы она родила больше. Оттого хлѣбъ у него былъ всегда отличный. Кромѣ работъ и труда по обработкѣ полей — пахатныхъ и сѣнокосныхъ (*), онъ съ перваго же года по вступленіи на приходъ въ село В—сь, занялся разведеніемъ сада. Большая часть мѣста была засажена фруктовыми деревьями и кустами: яблонями разныхъ сортовъ, вишнями, само-родиной и крыжовникомъ, — другая часть занята была огородомъ съ разными овощами: капустой, картофелемъ, свеклой и проч. принадлежностями кухни, — было отведено мѣстечко и для цвѣтовъ. И весело было даже со стороны глядѣть на уютный домикъ священника, совсѣмъ утонувшій въ зелени, изъ которой по мѣстамъ пестрѣли цвѣты, рдѣль, не уступая цвѣтамъ, макъ махровый и золотые подсолнечники высоко поднимали свои головы. На второй иль на третій годъ — между молодыми яблонями, въ концѣ сада, ближе къ полю, засѣваемому то льномъ, то коноплей, то грѣчихой, были поставлены ульи съ пчелами, которыя годъ отъ году умножались, и, при дѣльномъ наблюденіи и уходѣ за ними В. Алек., стали приносить немаловажный доходъ.

(*) Изъ которыхъ неудобныя по кочковатости дуга онъ вспахалъ и застѣлъ клеверомъ. Потому дуга, прежде не годныя, стали хорошиими.

Добрый примѣръ трудолюбія, въ лицѣ священника, производилъ огромное вліяніе на поселянъ. «Ишь неустаннѣй какой, говорили они между собой про священника:—вѣчно въ полѣ, или въ саду, или дома за книжкой, когда ужъ онъ отдыхъ то имѣетъ!» И научаемые и подкрѣпляемые этимъ живымъ примѣромъ труда и заботливости, они сами съ большею ревностію принимались за недоконченныя работы.

Уже седьмой годъ проходилъ, какъ благодать навѣстила В—сь. Совсѣмъ свыклись хозяева съ своимъ добрымъ священникомъ который былъ имъ отцемъ-учителемъ и другомъ-совѣтникомъ. А того больше привыкли—къ хорошей матушкѣ своей Ольгѣ Никитишнѣ. Что ни приключится—хоть курица пѣтухомъ запоетъ, или сонъ какой страшный привидится, или заболитъ что—бабы сей-часъ къ ней за совѣтомъ и помощью;—и матушка со всякимъ человѣкомъ поговорить, всякаго выведетъ изъ недоумѣнія и страха, всякому дастъ полезный совѣтъ. Пришли мужики въ надлежащій порядкъ, обзавелись хозяйствомъ полнымъ, сплатили все до чиста тому, у кого были въ долгу, а нѣкоторые и богатѣть начали, всѣ же были, по крайней мѣрѣ, довольны новымъ житьемъ своимъ.

И священникъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, хотя жилъ уединенно и почитай никого не имѣлъ знакомыхъ, сосѣди священники—все дальные, да и то видно не по душѣ ему были. Да и его, надо полагать, не совсѣмъ долюбивали: «распустилъ, говорили они, приходъ—примѣръ худой дѣлаетъ». Должно быть на священника, въ первое время не обошлось безъ жалобы со стороны причетниковъ, которые были очень недовольны священникомъ за то, что онъ не только не вымогалъ, а даже иной разъ вовсе не бралъ за требы, хотя, впоследствии, и причетники сознали, что лучше и выгоднѣе для причта поступать съ прихожанами не настойчиво, не требовательно, а мягко и уступчиво,—лучше прежде всего стараться заслужить и приобрести довѣренность и любовь прихожанъ, потому что въ слѣдъ за тѣмъ, безъ всякихъ

уже насильственныхъ мѣръ, прихожане платятся съ причтомъ благосклоннѣе и щедрѣе. — Впрочемъ мы позабыли было сказать, что изрѣдка и къ нашему священнику заѣзжали знакомые, именно—старинный заштатный священникъ съ своей дочерью, жившіе въ сосѣдномъ погостѣ. Неизвѣстно, когда было заключено это знакомство;—извѣстно только то, что заштатный священникъ былъ старикъ весьма почтенный, умный, съ которымъ очень любилъ побесѣдовать Васил. Алексѣевичъ. Да еще знался съ В. А., и его супругой одинъ мелкопомѣстный помѣщикъ, не богатый, но разумный человѣкъ и такой же, какъ В. А. домосѣдъ. Изрѣдка они ѣздили другъ къ другу въ гости семействами. Такъ шло время.

VII.

Въ одинъ осенній вечеръ, отецъ Васил. послѣ дневныхъ трудовъ, сидѣлъ съ своей супругой, и между ними шла тихая, задушевная бесѣда. Сынокъ, которому пошелъ второй годъ, спалъ на колѣнахъ у матери. Другой побольше, кудрявый и рѣзвый мальчикъ, игралъ на полу. Дочь, дѣвочка лѣтъ шести, читала книжку, подперши руками свою русую головку и заложивши пальчиками ушки (неизвѣстно по чьей привычкѣ).

— Мнѣ кажется, говорила заботливая Ольга Никит., Машиньку пора бы уже отдать учиться куда нибудь.

— Это правда, отвѣчалъ В. А., но я не придумаю, куда ее отдать для ученья? Согласно съ будущей ея судьбой всего лучше бы воспитываться ей въ женскомъ духовномъ заведеніи, но къ сожалѣнію у насъ еще нѣтъ женскихъ школъ въ епархіи.

— Да, это очень жаль, очень жаль, проговорила молодая мать.—Ну, наша Машинька пожалуй еще выучится кой-чему у насъ, а вотъ дочери другихъ родителей гдѣ

выучатся? Многие ли изъ духовенства сельскаго сами, за разными работами, имѣютъ время, не говорю воспитывать дѣтей, какъ слѣдуетъ, а хотя бы даже только научить грамотѣ? Я слышала, что нѣкоторыя жены сельскихъ священниковъ будто-вовсе безграмотны, да и дѣти—дѣвочки тоже.

— Къ сожалѣнію это такъ.

— Ну не грустно ли это, не горько ли:—жена священника безграмотна! Стало быть по образованію она ниже не только купчихи, но даже иной крестьянской женщины! Какое же послѣ того можетъ быть уваженіе къ семейству священника и къ самому священнику! Ахъ, другъ мой, кстати: я было и позабыла тебѣ сказать о моей встрѣчѣ у господъ К. съ матушками Б... и Ч... Было тутъ и смѣшнаго и жалкаго!.. Въ Спасовѣ, кажется, день сидимъ мы съ Ел. Оед. въ гостинной, вдругъ дѣвушка докладываетъ, что батюшка и матушка Б-скіе идутъ... Ну, вотъ взошли, поздоровались и разсѣлись. Матушка пришла въ красномъ французскомъ платьѣ и въ драповомъ бурнусѣ—это прямо въ гостинную-то,—и какъ сѣла, такъ—хоть бы слово промолвила, даже не глядитъ на насъ. Барыня, помню, спросила ее: часто ли она бываетъ въ городѣ? Она и на это не могла отвѣчать, совсѣмъ растерявшись, такъ что мужъ ужъ долженъ былъ отвѣтить за нее. Очень жалка она была... Черезъ часъ пришли Ч-скіе, священникъ съ матушкой. Матушка его тоже отличилась. Взошла, поздоровалась, съ ней было сей-часъ заговорили, но она, промолвивши нѣсколько невнятныхъ словъ, вдругъ встала съ мѣста и сначала отошла въ самый дальній уголь, потомъ и вовсе ушла изъ гостинной въ залу, и тамъ стала расхаживать себѣ преспокойно, посматривая то въ зеркала, то на картины. Такъ въ гостинную уже и не являлась до тѣхъ поръ, пока всѣ гости не стали уходить. Барыня Ел. Оед., ты знаешь, добрая, невзыскательная, но и она не могла мнѣ не замѣтить, что, къ сожалѣнію, большая часть женщинъ

сельскаго духовенства, съ которыми ей случалось встрѣчаться, страшныя дикарки и совершенно лишены всякаго воспитанія, такъ что, внѣ своего круга, онѣ являются какими-то неумѣлыми, странными, смѣшными и жалкими.

— Ну, это еще не такое важное и не столько вредное слѣдствіе невоспитанія, что наши женщины и дѣвицы не умѣютъ свободно держать себя въ господскомъ домѣ и не умѣютъ поговорить ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ же сельскихъ духовныхъ и крестьянъ, между которыми живутъ. Это зависитъ просто отъ непривычки. Не случается нашимъ женщинамъ видѣть себя въ свѣтскомъ кругу, ну, и странны и неумѣлы они бывають, если вдругъ, по какому либо случаю, придется имъ быть тамъ. А вотъ гибельное слѣдствіе отсутствія образованія и воспитанія женскаго пола въ нашемъ сословіи. Необразованная, не развитая женщина, даже если она по природѣ и добрая, — плохая помощница своему мужу. Она часто не понимаетъ высокаго назначенія своего мужа и потому не только не побуждаетъ его къ благотворной, честной дѣятельности, но еще препятствуетъ ему въ этой дѣятельности, порицая его добрые поступки, и изъ всѣхъ силъ отклоняя его отъ добрыхъ предпріятій и намѣреній, какъ скоро они безкорыстны. Я зналъ священниковъ молодыхъ, умныхъ, которые сначала исполнены были самыхъ возвышенныхъ и честныхъ мыслей и желаній, самыхъ благородныхъ стремленій и симпатій, но впоследствии дѣлались самыми дюжинными, посредственными, или даже плохими служителями церкви, именно въ слѣдствіе постояннаго несочувствія имъ и антагонизма со стороны ихъ сожительницъ. Иной священникъ, наприм., еще съ школы привыкъ почитать что нибудь—духовныя книги, напр., или журналы,—привычка похвальная и необходимая, но неразвитая женщина смотритъ на чтеніе книгъ, какъ на дѣло пустое, на праздное препровожденіе времени, и потому, замѣчая мужа за книгой, непремѣнно уже начинаетъ его упрекать, что онъ ничего не дѣлаетъ, лѣнится,—что пустяки читать (подъ пустяками неразвитая женщина разумѣетъ всякую вообще

книгу) не время, что люди добрые того не дѣлаютъ... Разумѣется, и я не похваляю, если нашъ братъ-священникъ вздумаетъ проводить время за чтеніемъ, когда нужно заняться матеріальнымъ трудомъ, когда отъ промедленія можетъ упасть и сгнить хлѣбъ на корню, или что нибудь повредиться въ хозяйствѣ; но то горько, что неразвитыя женщины не позволяютъ заняться чтеніемъ и письмомъ даже въ часы отдыха, или во время праздничное, свободное отъ хозяйственныхъ хлопотъ. Далѣе: иной священникъ, понимая, что для сближенія съ его прихожанами и для благотворнаго вліянія на нихъ, нужно прежде всего съ его стороны заслуга какая либо, нужно безкорыстное стремленіе къ исполненію долга, считаетъ (самъ по себѣ) предосудительнымъ на первыхъ порахъ «быть вымогательнымъ при требоисправленіяхъ»; поэтому онъ не беретъ съ бѣднаго, уступаетъ въ уменьшеніи платы человѣку, который объ этомъ его усердно проситъ, прощаетъ зануждавшемуся должнику, и проч. Провѣдываетъ объ этомъ жена священника и напускается на него съ разными выговорами, уккоризнами и т. под. рѣчами; обвиняетъ его въ нерадѣніи о дѣтяхъ; плачется и жалуется всякому, что мужъ хочетъ пустить ее по міру и т. под. Вообще женщина, не получившая надлежащаго образованія, смотритъ на цѣль и дѣятельность священника-мужа только съ точки практической, чтобы, т. е., мужъ приобрѣталъ изъ своей службы и дѣятельности какъ можно больше матеріальныхъ выгодъ,—но какими средствами?—это для нея все равно. Такое отношеніе супруги къ мужу, сопровождаемое самыми нерадостными сценами, долго мучитъ священника; много онъ теряетъ силъ въ напрасномъ толкованіи своей супругѣ обязанностей священника и напрасно старается оправдать передъ ней свои поступки. Наконецъ ему наскучиваетъ одно и то же, и онъ—надломленный и сбитый съ толку нуждою и частыми нападеніями своей супруги, отказывается отъ своихъ стремленій, завѣтныхъ думъ и начинается жизнь, спустившись на точку зрѣнія своей сожительницы, т. е. помышляя о единомъ насущномъ хлѣбѣ. Иной дѣлаетъ поворотъ рѣзче и неожиданныѣ. Наскучивъ

вѣчной возней и домашними сценами, онъ съ горя и одиночества среди многочисленной семьи, какъ говорится, «закуриваетъ», или зашибается пьянствомъ, и начинаетъ влечь самую печальную жизнь...—Да, продолжалъ священникъ, истинное несчастье — неразвитая, невѣжественная супруга. Не раздѣлить съ тобою она ни твоихъ думъ, ни твоихъ сочувствій, — когда ты веселье — не порадуется она съ тобою, когда ты грустишь — не облегчитъ она твоей грусти, а еще развѣ увеличитъ ее тупымъ и грубымъ взглядомъ на твои чувства. Но стократъ счастливъ тотъ человекъ, кого надѣлилъ Господь умной и понимающей женой. Въ благихъ своихъ стремленіяхъ онъ встрѣтитъ вѣрнаго помощника, въ несчастіи — надежную опору, въ горѣ истиннаго друга. Если я, другъ мой, обратился онъ съ нѣжностію и полными слезъ глазами къ своей супругѣ, что нибудь сдѣлалъ хорошее для своихъ прихожанъ, этимъ я обязанъ тебѣ. Ты всегда умнымъ твоимъ совѣтомъ поднимала во мнѣ силы и благородные порывы къ добру, къ полезной дѣятельности. Ты своими чувствами возвышала и очищала мои чувства. Ты заставила меня полюбить народъ и раскрыла въ моей, по видимому, незначительной долѣ, великое поприще для сѣянія добра и пользы. Въ тебѣ, въ минуты недоумѣній, я находилъ вѣрный совѣтъ; въ минуты тягостной грусти — облегченіе и утѣшеніе. Одинъ твой взглядъ — нѣжный и мягкій обновлялъ мое существо, твое слово, твои ласки заставляли забыть все тяжести и огорченія и разливали свѣтъ въ душѣ, давали чувствовать всю прелесть жизни. Какъ я благодаренъ Богу, что Онъ далъ мнѣ такое сокровище въ женѣ; какъ были бы счастливы, и сколько добра сдѣлали бы все товарищи мои по службѣ, если бы, подобно мнѣ, имѣли такихъ добрыхъ и умныхъ помощницъ! И священникъ съ чувствомъ благодарности и нѣжной любви обнялъ свою, не менѣе признательную и любящую, супругу.

— Ты самъ слишкомъ добръ, что видишь во мнѣ много хорошихъ качествъ, скромно, но непритворно отвѣчала супруга.

— Нѣтъ, я только справедливъ, не больше. Я знаю сколько добра ты сдѣлала для меня.

Свѣтлыя минуты радостной любви, взаимной благодарности и глубокаго уваженія другъ къ другу почти каждый день возобновлялись у нашихъ супруговъ.

Но вотъ кто-то постучался подъ окномъ.

— Кто тутъ? окликнулъ священникъ.

— Матушка—кормилица, выглянь-ка сюда на минутку, доносился снаружи женскій голосъ.

— Что такое? спросила матушка, отворяя окно.

— Приди, родимая, къ намъ поскорѣе; невѣстка наша совѣмъ замучилась.

— Какъ быть-то, мой другъ,—вѣдь надо идти, проговорила Ольга Никит., желая знать объ этомъ и мнѣніе Вас! Алекс.

— Погода очень не хороша, Оля,— не простудись.

— Что же дѣлать, другъ мой,—вѣдь, не оставить больную такъ, безъ помощи.

Надо сказать, что священникъ и его супруга давно занимались леченіемъ народа и весьма успѣшно. Священникъ (какъ выше упомянуто) еще въ семинаріи полюбилъ медицину и запасся изъ нея порядочными свѣдѣніями; но главнымъ образомъ онъ увеличилъ ихъ уже на мѣстѣ, чрезъ постоянное чтеніе лечебниковъ и разныхъ медицинскихъ книгъ и журналовъ, когда рядомъ печальныхъ случаевъ смертности въ его приходѣ убѣдился, что сельскому священнику необходимо умѣть подавать врачебную помощь простымъ крестьянамъ, которые, за отсутвіемъ разум-

наго леченія, мрутъ, какъ мухи. Ольга Никитиш. также еще до замужества, живя у дяди-доктора, приучилась лечить нѣкоторыя болѣзни простыми средствами; такъ, наприм., она очень легко вылечивала продолжительныя лихорадки; по выходѣ же за мужъ за человѣка, хорошо знакомаго съ врачебнымъ искусствомъ, она еще большую приобрѣла въ этомъ дѣлѣ опытность, и для простыхъ людей, неимѣющихъ докторовъ, была настоящимъ ангеломъ хранителемъ. Труды свои по леченію мужъ и жена раздѣляли такъ, что мужъ лечилъ мужчинъ, жена—женщинъ. Сверхъ леченья разныхъ болѣзней, Ольга Никитиш. между прочимъ помогала и при трудныхъ родахъ. Теперь она, по зову женщины, отправилась тоже къ одной трудной родильницѣ.

Священникъ, отпустивъ свою супругу къ больной, самъ очень растосковался, видя, что на улицѣ поднялась такая погодка, что и Боже упаси! Пошелъ дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ, засвисталъ изъ всѣхъ силъ вѣтеръ, стало холодно, какъ зимой.

— Какъ она дойдетъ?—мѣсто не близкое; всю ее промочить и прознобить, думалъ онъ, прислушиваясь къ шуму падающаго дождя и свисту вѣтра.

Черезъ часъ, не осиливъ нетерпѣнія, онъ пошелъ встрѣчать свою супругу, захвативъ съ собою для нея зонтикъ и теплую одежду, но у больной онъ уже не засталъ своей жены, дорогой же, по причинѣ темноты, они какъ-то не встрѣтились. Когда священникъ воротился домой, Ольга Никит. была въ тепломъ салонѣ и, дрожа, ходила по комнатѣ.

— Какъ, другъ мой, должно быть, я простудилась, сказала она при входѣ мужа. У больной въ избѣ духота, жара невыносимая, я страшно вспотѣла, а шедши сюда, прозябла,—не заболѣть бы мнѣ?

В. Алекс. сейчас же поставил самоваръ, напоилъ супругу липовымъ чаемъ, уложилъ въ теплую постель и съ замираніемъ сердца ожидалъ, что скажетъ утро? Уже по одному пульсу и цвѣту лица жены онъ увидалъ, что грозитъ болѣзнь серьезная. На утро Ольга Никит. пробудилась вся въ жару и съ страшной головной болью; вскорѣ открылся бредъ. Опасность возростала. Растерявшійся священникъ ломалъ голову, придумывая и пробуя самыя лучшія и надежнѣйшія медицинскія средства, но видя, что ничто не помогаетъ, послалъ за докторомъ, который жилъ въ тридцати верстахъ отъ села. Докторъ въ тотъ день не пріѣхалъ, а пріѣхалъ на слѣдующій, но уже было поздно: мертваго не воскресишь...

Не станемъ много рассказывать о всей приключившейся бѣдѣ: встала она, бѣда эта, и вдругъ выросла посреди тихой счастливой семьи и добрыхъ, благодарныхъ жителей прихода. Дохнула на всѣхъ своимъ мертвымъ холодомъ, болью, отчаяніемъ. Разсыпала свои охи и ахи, — свои вопли и слезы. Одному только мужу покойницы эта бѣда отказала въ послѣднемъ утѣшеніи — въ слезахъ: В. Алекс. не плакалъ. Блѣдный, съ сухими, раскраснѣвшими и мутными глазами, какъ будто равнодушно глядѣлъ онъ на всѣ приготовленія къ похоронамъ. Вотъ принесли гробъ; уложили покойницу; отнесли ее. Съ воплями и рыданіемъ прощались съ тѣломъ всѣ прихожане — старые и малые. Дочь В. А., Машиньку едва оторвали отъ гроба. А онъ — безмолвный, тихій, какъ тѣнь, присунулся къ усоншей и долго-долго не отрывалъ устъ своихъ отъ синихъ устъ ея; глядя на него, всѣ заливались слезами, задыхались отъ всхлипыванья. На могилѣ повторилось общее отчаяніе, но В. Алекс. оставался неподвижнымъ. Наконецъ пропѣли вѣчную память и старецъ священникъ, — тотъ самый, который былъ знакомъ В. А., кинулъ дрожащею рукою горсть земли въ могилу, напомнивъ и ему сдѣлать тоже. Съ усиленіемъ поднялъ В. А. въ горсти землю, кинулъ ее. Ударилась земля о гробовую крышу съ глухимъ звукомъ — и весь затрепеталъ бѣдный вдовецъ; ужасъ мелькнулъ въ

сухихъ глазахъ его. Но чрезъ минуту онъ опять стоялъ спокойный, неподвижный, безслезный. Всѣ понимали однако, хоть и смутно, отчаянное положеніе мнимо-спокойнаго священника. Положеніе его было безнадежно. Его не надломило, не смяло и не растерзало горе, — нѣтъ, оно подкосило его такъ, какъ шибкіи взмахъ вострой косы подкашиваетъ цвѣтокъ полевой: во всей красѣ еще стоитъ онъ среди травы лежачей, какъ будто растеть и цвѣтеть по прежнему — но уже нѣтъ у него корня, срѣзанъ онъ, не цвѣсти ему больше — онъ мертвъ.

Однако проходило время, а отецъ Васил. не жаловался ни на какую болѣзнь. Никто никогда не видалъ его слезъ; но какъ свѣча предъ Богомъ догоралъ онъ; тихо таяла его молодая жизнь.

Плакали предъ нимъ добрые прихожане, благодѣтельствовавшие имъ; вызывали его на слезы — но все напрасно, — и всѣ порѣшили, что изводится батюшка *сухой печалью*: застыли, значить, у него слезы подъ сердцемъ — тутъ ужъ ничто не поможетъ.

VIII.

Въ первое время, по смерти жены, отца Васил. видали только въ церкви. Дома онъ сидѣлъ запершись, никуда не выходя. Сквозь шелку двери старуха, приставленная къ дѣтямъ, замѣчала, что онъ читалъ, иногда писалъ, а больше молился. По цѣлымъ ночамъ тѣнь его, то наклоняющаяся, то опять встающая предъ образами, видна была чрезъ занавѣшенные окна. Прошли шесть недѣль со времени похоронъ Ольги Никитиш. и священникъ какъ будто ожилъ, опять воротилась къ нему дѣятельность, но какая? Видно было, что бѣдный вдовецъ вовсе не жалѣлъ ни здоровья, ни жизни, что въ постоянномъ трудѣ онъ хотѣлъ только позабыть свое горе. Теперь вся жизнь его носилась двумя предметамъ: своимъ дѣтямъ — сиротамъ

и прихожанамъ. Большую часть дня онъ безвыходно проводилъ съ дѣтьми, занимая и утѣшая двоихъ маленькихъ и разговаривая или читая съ Машинькой. Въ школѣ съ крестьянскими мальчиками и дѣвочками (по смерти жены от. Васил. совмѣстилъ въ одинъ классъ и мальчиковъ и дѣвочекъ) онъ оставался долѣе обыкновеннаго, стараясь сколько возможно скрыть свою печаль предъ своими маленькими слушателями и разнообразить свои занятія; казался веселъ, шутилъ, — и дѣти радовались, видя батюшку не унылымъ: уже и дѣтское сердце ихъ понимало всю тяжесть горя своего любимаго учителя. Въ воскресные и праздничные дни онъ иногда уходилъ къ нѣкоторымъ прихожанамъ, чтобы побесѣдовать съ ними. Прихожане встречали его, какъ роднаго гостя, и тотъ домъ считалъ себя счастливымъ, который посѣщалъ священникъ; умную бесѣду его слушали, какъ святое слово и молодые и старые, и мужчины и женщины; дѣти забывали о своихъ игрушкахъ и забавахъ, заслушиваясь рассказовъ священника. Съ своей стороны добрые хозяева, зная горе своего отца духовнаго, старались всячески развлечь его и утѣшить. Священникъ, не желая огорчать любящихъ его прихожанъ, казался спокойнымъ, даже какъ будто веселымъ. Крестьяне радовались, что батюшкѣ ихъ полегчало; но на самомъ дѣлѣ от. Васил. не менѣе прежняго грустилъ и скорбѣлъ о своей невозвратимой, дорожке жизни, потерѣ. «Другъ мой, — писалъ онъ около этого времени въ письмѣ къ своему товарищу по семинаріи, — ты, можетъ быть, думаешь, что твой Василій также счастливъ въ настоящее время, какъ былъ счастливъ, когда писалъ къ тебѣ прежнее письмо. Нѣтъ и нѣтъ, — счастье мое разрушилось, какъ дымъ, какъ паръ разлетѣлось. Но что тебѣ много говорить, — ты самъ съ разу поймешь всю тяжесть и глубину моего несчастья... Вотъ оно: моя милая подруга жизни, та, которую я любилъ безъ конца, которая составляла всю радость мою и счастье — она умерла... да, умерла послѣ самой кратковременной, но жестокой болѣзни. Лишиться супруги священнику — самое большое несчастье для него. Но лишиться супруги — друга, существа

въ высшей степени нѣжнаго, добраго и умнаго, существа, которому я обязанъ былъ всѣмъ своимъ просвѣтлѣнiемъ, всѣмъ, что во мнѣ есть лучшаго—это горе, для выраженiя котораго не стаеть словъ на языкѣ человѣческомъ. И я теперь не понимаю, что въ теперешней жизни моей можетъ быть отраднаго? Для чего я буду жить?—Знаю, ты скажешь: за чѣмъ унывать? Грѣхъ отчаяваться... Можно и теперь идти къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ стремился я достигать прежде, при помощи моей супруги. Такъ, легко это говорить. Но гдѣ я возьму силу забыть свое горе? Какъ сладить съ тѣмъ, что уже все мнѣ постыло, что прежде вызывало дѣятельность мою: и школа съ милыми дѣтьми и добрые мои прихожане—все потеряло цѣну въ глазахъ моихъ. Даже дѣти—милые мои, родные дѣти—и тѣ какъ будто только увеличиваютъ мою грусть. Знаю, что я грѣшу, такъ унывая; но не могу преодолѣть себя, хотя и стараюсь. Другъ мой, помолись за меня! Помолись, чтобы Господь подкрѣпилъ меня въ моемъ несчастiи», и проч.

IX.

Осенью, когда уже значительно выпало снѣгу и рѣка остановилась и замерзла, жители села В—съ были перепуганы однимъ случившимся было несчастнымъ происшествiемъ. Десятилѣтнiй мальчикъ, проходя рѣку по молодому льду для того, чтобы поставить гдѣ-то вершу для рыбы, провалился и началъ тонуть. На крикъ его сбѣжались люди, больше женщины (мужчины въ тотъ день уѣзжали въ городъ съ извозомъ); онѣ ахали и охали, но не помогали погибающему, а мальчикъ едва уже цѣплялся окостѣневшими руками за края плавающихъ льдинъ; тогда священникъ, прибѣжавшiй сюда на общiй крикъъ, видя въ чемъ дѣло, сейчасъ схватилъ первую попавшуюся ему палку и смѣло пошелъ къ тонувшему мальчику, чтобы помочь вылестъ изъ воды на твердое мѣсто; но лишь сталъ онъ подходить къ окраинѣ, какъ самъ вдругъ про-

валился; но все таки успѣлъ схватить мальчика и вмѣстѣ съ нимъ старался вылестъ изъ воды, одной рукой держа мальчика, а другой хватаясь за края твердаго льда; но какъ только онъ, желая подняться изъ воды, налегаль на ледъ, ледъ проваливался подъ нимъ, и такимъ образомъ онъ почти до самаго берега плыль съ мальчикомъ въ водѣ. Измученный онъ вышелъ на берегъ и тутъ же почувствовалъ, что холодъ проникъ, кажется, въ самыя кости. Сознавая, что случай этотъ не пройдетъ для него даромъ, онъ послалъ за докторомъ: тотъ лѣчилъ его цѣлую недѣлю, но видя, что исходъ будетъ плохой, пересталъ ѣздить. Простуда священника приближала его къ смерти. Нуженъ былъ уже одинъ врачъ — священникъ, который бы напутствовалъ больнаго въ иную жизнь.

Какъ скоро пронеслась вѣсть, что священникъ при смерти, всполохнулась вся деревня: и старъ, и младъ собрались на дворъ къ священнику. Никто не смѣлъ плакать громко, а никто не могъ и удержать своихъ слезъ.

Вышелъ старикъ-священникъ, который исповѣдываль, приобщаль и собороваль больнаго.

— Что, каковъ нашъ-то батюшка? А что дѣтушки? Какъ-то они ласточки-крошечки болѣзныя? Спрашивали полушопотомъ женщины. Но священникъ, едва крѣпясь отъ слезъ, только махнулъ рукой и сказалъ, что больной жадаеть проститься съ ними.

Толпа хлынула въ домъ. На постелѣ лежалъ больной и тихимъ голосомъ позваль всѣхъ къ себѣ... Что тутъ рассказывать! Въ какія нибудь десять или двадцать минутъ всѣ изстрадались и наплакались такъ, что на годъ такого горя и слезъ стало-бы... И вотъ приподнялся больной, съ помощію старика-священника, сѣлъ на постели и началъ тихимъ голосомъ:

«Не жалѣйте меня, добрые люди, не плачьте по мнѣ, мнѣ тамъ лучше будетъ... Но пожалѣйте и не оставьте бѣдныхъ дѣтокъ моихъ... На васъ, на однихъ на васъ оставляю ихъ!... Хотѣлось бы мнѣ, чтобы закрѣплено было мое мѣсто за моей дочерью, Машей.., Прощайте, друзья мои!» И градомъ посыпались по блѣднымъ щекамъ его слезы,—и застонали всѣ, ударившись предъ нимъ на колѣна и въ рыданьяхъ твердили: «родной ты нашъ! Отецъ ты родимый, видитъ Богъ,—твое слово свято намъ.» А больной, благословивъ своими слабыми и исхудалыми руками присутствующихъ, опустилсѣ на подушки и закрылъ глаза. Старикъ-священникъ замахалъ руками и знаками велѣлъ выйти. У всѣхъ блеснула надежда: не уснетъ ли батюшка, и чрезъ сонъ не полегчаетъ ли ему? Всѣ остановились на дворѣ и ждали, какую вѣсть подадутъ имъ о больномъ?

Черезъ часъ вышелъ опять священникъ на дворъ и трепетно, сквозь слезы, сказалъ внимающимъ людямъ: «не плачьте, идите по домамъ, не тревожьте дѣтей скорбныхъ:—рабъ Божій, іерей Василій уже у Бога»...

Въ это время три протяжныхъ удара въ большой колоколь возвѣстили по всему селу и окрестностямъ, что въ В—си не стало священника.

X.

Нѣсколько дней спустя послѣ погребенія отца Васил., въ томъ же селѣ, въ избѣ старосты была сходка по дѣлу о сиротахъ. Всѣ хозяева пришли туда, да и хозяйки нѣкоторыя успѣли протѣсниться изъ любопытства. Еще на сходку приглашенъ былъ сельскій дьячекъ. Обѣшалъ быть попозже и старичекъ-священникъ, напутствовавшій покойнаго и бывшій при его смерти.

— Извѣстно вамъ, братцы, началъ говорить староста, что послѣ смерти отца Василя, дай Господь ему царство небесное,—и всѣ перекрестились,—остались дѣтки, круглыя сиротки... Что теперь дѣлать намъ съ ними? Покойникъ, царство ему небесное, приказывалъ не оставить ихъ...

— И не попусти Господи!.. загремѣло нѣсколько голосовъ. Какъ ихъ оставить? Кто же будетъ печись о нихъ? Я беру ихъ къ себѣ, и я беру, и я, и я, раздавались голоса.

— Пожди, честной народъ, дай слово домолвить.

Ну, говори, говори.. И всѣ примолкли.

— Брать намъ ихъ къ себѣ на руки, или на воспитаніе, какъ вы желаете, намъ не приходится. Не мужиками они рождены, не въ крестьянство и идти должны. А вотъ что намъ надуть дѣлать: нужно сготовить сообща приговоръ, приложить руки, да и ѣхать въ городъ съ просьбой къ Преосвященному, чтобъ онъ, значить, зачислилъ мѣсто за сиротами, а покамѣсть до возрасту сиротки-Машиньки, назначилъ, какъ это бываетъ по духовенству, заштатнаго священника.

— И то дѣло, крикнулъ одинъ голосъ, а за нимъ подхватили и другіе.

— Подождите, братцы, дайте все досказать.

— Ладно, досказывай.

— А вотъ что: такъ какъ теперича съ покойнымъ былъ въ дружбѣ старичекъ-сосѣдъ, заштатный священникъ, то и надо порѣшить, чтобы его утвердили къ намъ. А ужъ старика мы сами попросимъ послужить для насъ и покойника, отца Василя.

— Хорошо, слово свято, и вправду такъ, подтвердила вся сходка на разные голоса.

Когда затихло собраніе, дьячекъ повелъ свое слово. Онъ одобрилъ порѣшеніе міра, говоря, что воля умирающаго законъ. «Но, люди добрые, возразилъ онъ, вы забыли одно: кто будетъ до возрасту дѣтей заниматься ихъ воспитаніемъ? Вѣдь священническіе дѣти науки требуютъ!»

Это озадачило всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто замѣнитъ сиротамъ отца и мать? Кто присмотритъ за ними? Кто поучитъ, наставитъ на доброе? Дѣти малы—глупы. Надежда на одного священника. Но приметъ ли на себя онъ эту обязанность и сможетъ ли старый съ малыми? Однако всѣ стали ожидать, что на это скажетъ самъ священникъ?

Подъ окномъ послышалось — шаркнули сани и чрезъ минуту вошелъ въ избу ожидаемый старецъ.

Бесѣда пошла, почитай, за ново. Сперва крестьяне попросили священника исправлять у нихъ должность, если Преосвящ. утвердитъ за Машинькой мѣсто. Старикъ на это согласился съ удовольствіемъ и благодарилъ міръ за честь и довѣренность. Потомъ, когда сказали ему, что они не знаютъ, кому бы поручить дѣтей для надзора и для образованія ихъ, добрый старецъ посовѣтовалъ: для постоянного присмотра и ухода за дѣтьми найти какую либо добрую и честную женщину, которая бы умѣла и хотѣла поводить съ ними, сказавши при этомъ, что воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ займется онъ самъ съ помощію своей дочери. А если придетъ время и потребуетъ, напр., сироту Машиньку научить разнымъ женскимъ искусствамъ, то можно будетъ отвести ее къ знакомымъ и ему, и покойникамъ господамъ, которые изъ доброй памяти по Ольгѣ Никит. и Васил. Алекс., безъ

сомнѣнія не откажутъ заняться съ Машинькой, какъ съ собственной дочерью, и научать ее всему, что нужно.

Съ громогласною благодарностию все выслушали рѣчь священника, и какъ онъ говорилъ, такъ по его совѣту и порѣшили сдѣлать.

XI.

На слѣдующій день самые почтенные хозяева села В—сь, въ сопровожденіи старика—заштатнаго священника, отиравились въ городъ и подали Преосвященному прошеніе, въ которомъ подробно прописали все обстоятельства, по которымъ они, крестьяне села В—сь, все до одного просятъ зачислить мѣсто за сиротою—дѣвицей Марьей. Преосвящ, благосклонно принявъ просителей и, прочитавъ прошеніе, даже благодарилъ крестьянъ за ихъ участіе въ судьбѣ духовныхъ сиротъ, и тотчасъ же, согласно просьбѣ, положилъ резолюцію.

Такимъ образомъ устроилось дѣло. Заштатный священникъ съ своей дочерью переселились на жительство въ домъ сиротъ, и стали для нихъ истинными попечителями и хранителями. Священникъ замѣнилъ имъ мѣсто отца, дочь—мѣсто матери. И стали жить дѣти-сиротки на своемъ мѣстѣ, въ своей усадьбѣ. Потосковали бѣдняжки, поплакали сперва, но по немножку свыклись съ своей долей сиротской,—какъ будто такъ сиротами и родились. Каждому возрасту и каждому существу живому даетъ Богъ силы перенести всякое горе: крѣпкому человѣку далъ разсудокъ, побѣждающій печаль, а слабому, утлому ребенку дана память легкая, чтобы забыть скорѣе горе. Пусть только люди не мѣшаютъ этому забвенью спасительному, пусть не отнимаютъ отъ дѣтей того, что дано имъ отъ Бога: невинной ихъ веселости.

Поняли это добрые люди и окружили дѣтокъ бѣдненькихъ самымъ теплымъ попеченіемъ. Посылали ребятишекъ своихъ забавлять ихъ, строили для нихъ разныя игрушки, — какъ умѣли, угождали имъ. И, Боже сохрани, бывало, — обидѣть чѣмъ либо этихъ дѣтокъ, хоть бы, напр., неисполненіемъ ихъ какого нибудь желанія, — такого злодѣя застрамать: «какъ это не грѣшно, не стыдно тебѣ, скажутъ, дѣтокъ не потѣшить! — вѣдь они сиротинки горемычныя!...»

XII.

Такъ грубые, бѣдные люди заплатили своему священнику и его супругѣ за ихъ добро и христіанское милосердіе къ нимъ: въ дѣтяхъ награждены добрые — и спокойно почіеть честный прахъ въ могилахъ, поросшихъ вѣстами, подъ сѣнію креста, въ сосѣдствѣ почти за-новоустроенной стараніями священника церкви. Никто не пройдетъ мимо этихъ могилъ, не сдѣлавши земнаго поклона праху усопшихъ и отъ искренняго сердца не помолвишись за души ихъ!...

Неизвѣстно, что случилось теперь съ дѣтьми-сиротами; но мы твердо вѣримъ, что тотъ, кто носитъ на себѣ любовь и благословеніе бѣдныхъ — трудящихся людей — тотъ нигдѣ и никогда не погибнетъ.

Г. П — св.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи въ 1865 году журнала

«СТРАННИКЪ»

И ГАЗЕТЫ

«СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ».

Редакція духовнаго учено - литературнаго журнала «Странникъ» и — соединенная съ ней, съ 1-го января 1864 года, редакція газеты «Современный листокъ» политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, поставляя своихъ подписчиковъ въ извѣстность о продолженіи обоихъ изданій въ будущемъ 1865 году, покорнѣйше просятъ гг., желающихъ возобновить на нихъ подписку, сдѣлать это по возможности заблаговременно. Условія подписки остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе «Странника», состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами и т. п., съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе «Современнаго листка», состоящее изъ 104 нумеровъ (эта газета выходитъ два раза въ недѣлю), съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста, также *четыре рубля серебромъ*; 3) для подписывающихся на «Странникъ» и «Современный листокъ» вмѣстѣ, годовая цѣна на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, или за оба изданія — до *семи рублей серебромъ*.

Тѣ, которые сочувствуютъ направленію журнала «Странникъ», надѣмся, будутъ удовлетворены и газетою «Современный листокъ», главнымъ образомъ посвятившею себя — пользамъ духовенства, составляющаго нынѣ пред-

иетъ общаго вниманія и заботъ правительства. Въ этой газетѣ мы предполагаемъ сдѣлать на будущій годъ значительныя улучшенія, и форматъ ея — увеличить.

Издававшіеся при «Странникѣ» въ 1863 и 1864 годахъ особыя томы — «Проповѣди» и «Чтеніе для дѣтей» на будущій 1865 годъ приостанавливаются, и подписка на нихъ не принимается — впредь до особаго объявленія, которое послѣдуетъ въ такомъ лишь случаѣ, когда современный выпускъ книжекъ журнала будетъ вполнѣ достигнуть и упроченъ.

Изъ 4-хъ тетрадей «Чтенія для дѣтей», обѣщанныхъ на нынѣшній годъ, 3-я приложена при августовской книжкѣ «Странника», а 4-я тетрадь, равно какъ и полный томъ «Проповѣдей» 1864 г., на всѣ воскресные и праздничные дни (въ порядкѣ чиселъ 1865 года) разошлются при одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала за текущій годъ.

Въ концѣ нынѣшняго же — пятаго года нашего періодическаго изданія, подписчики получаютъ подробный алфавитный указатель за всѣ пять лѣтъ изданія духовнаго журнала «Странникъ», по всѣмъ пяти отдѣламъ и приложеніямъ, въ 60-ти мѣсячныхъ книжкахъ, или 20-ти томахъ (не считая особыхъ четырехъ томовъ — «Проповѣдей» и «Чтенія для дѣтей»). Указатель этотъ укажетъ какъ статьи, такъ и писателей сотрудниковъ, принадлежащихъ не только къ духовному званію разныхъ іерархическихъ степеней, но и ко всѣмъ сословіямъ, безъ различія пола.

Желающіе могутъ выписывать полныя годовыя изданія «Странника», изъ 12-ти мѣсячныхъ книжекъ, или 4-хъ томовъ, со всѣми бывшими при нихъ приложеніями, за 1860, 1861, 1862, 1863 и нынѣшній 1864 годъ; а также прибавочныя томы «Проповѣдей» и «Чтенія для дѣтей», изданія 1863 и 1864 года (всего 4 тома).

Цѣна остается прежняя, за каждый годъ журнала: 3 р. 50 к. безъ пересылки, и 4 р. сер. съ пересылкой, а за каждый томъ либо «Проповѣдей», либо «Чтенія для дѣтей» — по 1 р. с. Но кто пожелаетъ вдругъ выписать изданіе журнала за всѣ прошедшія пять лѣтъ (двадцать томовъ) и также оба тома «Проповѣдей», и оба тома «Чтенія для дѣтей», — тому дѣлается уступка: за всѣ 24 тома, вмѣсто 24 руб. сер., благоволятъ онъ выслать всего двадцать руб. серебромъ, съ пересылкою. Адресоваться исключительно: въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ.

Редакторъ и издатель
Протоіерей *Василій Гречулевичъ*.

Опечатка: въ 20 №, на страницѣ 26, напечатано: Страниць и Духъ христіанина (по 3 р.), должно быть: 3 р. 50 к. безъ пересылки и 4 р. съ пересылкою.

Редакторы: *И. Тихомировъ* и *Г. Шолсадовъ*.

Дозволено цензурой. 5-го декабря 1864 года. Цензоръ Ректоръ семинаріи Архимандритъ *Гусевскій*.

НИЖНИЙ-ПОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.